

Попытка возврата

Владислав Конюшевский

Основная миссия

«Лениздат»

2009

Конюшевский В. Н.

Основная миссия / В. Н. Конюшевский — «Лениздат»,
2009 — (Попытка возврата)

ISBN 978-5-9942-0408-6

Может ли пришелец из будущего в одиночку изменить мир? Умные политики и маститые ученые доказывают нам, что нет. Но Илья Лисов не знал этого авторитетного мнения. Против своего желания оказавшись 22 июня 1941 года на советско-германской границе, он вынужден был вступить в бой с фашистами, просто для того чтобы выжить. А потом, освоившись в новом времени, Илья решает сделать попытку повлиять на события, чтобы уменьшить количество погибших в войне. С трудом, но это ему удается. И вот на дворе конец лета 1944 года. Скоро конец войны, и как будут складываться послевоенные отношения с союзниками? Как не допустить «холодной войны» и «железного занавеса»? Об этом надо думать уже сейчас. А одним из инструментов в решении этой задачи является спецгруппа Ставки Верховного Главнокомандования, в состав которой входит полковник НКВД Илья Лисов, личный порученец Генерального секретаря ЦК ВКП(б) товарища Сталина. Только помимо основной работы Лисов еще постоянно помнит слова Вольфа Мессинга о какой-то таинственной миссии, которую должен выполнить человек из будущего. И если приказы руководства ясны и понятны, то в чем заключается его личная миссия, Илья может только предполагать...

ISBN 978-5-9942-0408-6

© Конюшевский В. Н., 2009

© Лениздат, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владислав Конюшевский

Основная миссия

Глава 1

1944 год. Штаб 128-й авиационной базы особого назначения

Начавшийся наконец дождь принес с собой долгожданную прохладу. Но самое главное, набежавшие тучи позволили откинуть штору светомаскировки, которая до этого напрочь перекрывала доступ свежего воздуха. Зато сейчас влажный, наполненный полынным, степным духом ветерок смог беспрепятственно проникнуть в помещение и разогнать густой табачный дым, из-за которого у меня уже начала побаливать голова. Хотя голова гудела не столько от табачного перегара, сколько от напряжения, вызванного темой разговора. Не скажу чтобы странной, но просто столь же далекой от меня, как утомленный яхтами олигарх далек от забот сантехника из ЖЭУ. И ведь вопросыки подкидываются... Вон, например, как этот:

- А ты можешь сказать мне, что такое пропаганда? Ну просто своими словами?
- Издеваешься?

Я неодобительно посмотрел на Тверитина, но Стас был совершенно серьезен и, сидя за столом напротив, молча постукивал пальцами по столу, ожидая ответа. Глядя на его серьезную физиономию, я пожал плечами и ответил:

- Пропаганда – это звездаж, распространяемый властью с целью достижения своих целей.
- И все?

Собеседник поставил локти на стол и, сложив ладони домиком, насмешливо прищурился.

– Нет не все, но это основное. А вообще, пропаганда – это способ подачи информации, призванный манипулировать сознанием людей. Ну и побуждать их к каким-то действиям.

Блин, вот никогда не задумывался над определением пропаганды. Она лилась отовсюду, и нутром я отлично знал, что это такое, только вот словами, да еще приличными, выразить свое знание не мог, из-за чего сейчас пребывал в раздраженном состоянии. А Тверитин, покачивая головой, поправил:

– Побуждает к действиям агитация. Хотя эти два понятия между собой неразрывно связаны. А вообще, пропаганда – это распространение информации в любом ее виде. Часто заведомо ложной информации, но позволяющей добиться требуемого результата. И распространяться эта пропаганда может вовсе не только средствами массовой информации. В ее распространении может быть задействовано все, вплоть до слухов и сплетен. Я не буду говорить про лозунги, кинофильмы, памятники и плакаты. Это само собой разумеется. Но ты знаешь, что даже музыка может являться пропагандой. Просто мелодия, без слов. Даже какая-то обычная вещь может быть пропагандой. Она может не нести никакой символики, но все равно являться пропагандой. Только скрытой, воздействующей на подсознание. И главное в любой пропаганде – это чтобы она оказала нужное воздействие на общественное мнение или какую-то целевую аудиторию.

Хмыкнув, я констатировал:

- Слишком умный. Убивать пора!
- Стас, поправив очки, улыбнулся:
- Пробовали – не получилось... Закурим?

Он подвинул мне коробку папирос, но я демонстративно достал из пачки свою сигарету и с вызовом посмотрел на собеседника. Только Станислав моим действием вовсе не смутился,

а наоборот, широко улыбнувшись, жестом попросил, чтобы я его угостил трофейным «Кэмэлом».

От же жук! Вот так, с лету, переиграл ситуацию и теперь показывает, что готов перейти из положения доминирующего учителя в положение ученика. Увидел, что его собеседник ошетинился всеми иголками и превратился в оппонента, и тут же дал задний ход, сглаживая ситуацию. Сейчас, небось, задаст какой-нибудь вопрос о последней нашей операции. И слушать будет, открыв рот и восхищенно ахая. М-да... Тверитин еще и психолог хороший. Только и я не лыком шит, а так как с этим парнем мне еще, похоже, предстоит немало работать, то я решил не заморачиваться с вывертами НЛП и не меряться писканьями, а просто, сдвинув к нему свою пачку и забирая его папиросы, со смешком предупредил:

– Если ты сейчас спросишь о моем боевом прошлом, то я тебя уважать перестану.

Хе! Судя по тому, как в глазах Стаса что-то мигнуло, я сделал свое предупреждение вовремя. После этих слов он несколько секунд молча смотрел на меня, а потом, рассмеявшись, протянул руку со словами:

– Ты извини. Иногда меня заносит. А что, в будущем все такие «подкованные»?

– Не больше, чем в прошлом.

– Понятно... Чай будешь, а то что-то в горле пересохло?

– Буду.

И, глядя, как новый начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) разливает чай в стаканы с металлическими подстаканниками, я, хмыкнув, вспомнил наше с ним сегодняшнее знакомство. То есть уже вчерашнее. Время-то – за полночь...

* * *

А начиналось все... М-да, начиналось все очень даже нестандартно. Мы еще толком не отошли после нейтрализации диверсионного отряда Армии Крайовой, как вдруг поступила новая вводная. Оказывается, на совместный аэродром, который поляки буквально позавчера собирались перепахать залпами реактивных минометов, должны были прибыть нарком НКВД Иван Петрович Колычев и посол США в СССР Уильям А. Гарриман. В связи с этим нам предписывалось находиться в составе встречающих. Хорошо хоть не в почетном карауле, но я так и не понял, с какого переполоха спецгруппу ставки вообще для этого задействовали. Тем более что Гусев лично мне запретил при виде посла выкрикивать антиамериканские лозунги и показывать ему «факи».

Лозунги и «факи», конечно, относились к разряду шуток, только вопрос, для чего осназ вообще вытащили на эту встречу, остался. Но начальство на то и начальство, чтобы в некоторых случаях иметь возможность просто рявкнуть, не объясняя причин и на этом закрыть вопрос. Лишь потом Серега все-таки снизошел до ответа и сказал, что это личное распоряжение наркома. А еще чуть позже, глядя на поднятую вокруг ожидающегося приезда суету, мы с ним пришли к выводу, что все это «жу-жу» неспроста. Ну не будут ради Колычева выстраивать почетный караул, тем более что Иван Петрович тут был неделю назад и все происходило очень даже демократично, без всякой помпы. Да и посол... Я, конечно, не знаток протоколов, но из-за этого америкоса вряд ли подобная буча поднимется. Нет, летуны вполне могли захотеть устроить пышную встречу своему высокопоставленному земляку, только ведь в наличии было два выраженных в парадную форму караула – советский и американский. А это уже совсем другой коленкор.

И только когда я увидел среди офицеров людей Власика, все непонятки разрешились наконец в наиболее вероятное предположение. А именно – помимо вышеперечисленных персон, на авиационную базу особого назначения, ожидается прибытие товарища Сталина. Гусев,

прикинув расклады, согласился со мной, и поэтому мы даже не удивились, когда после посадки на откидном трапе увидели знакомую коренастую фигуру.

Верховный, выйдя из самолета, вместе с Гарриманом прошелся вдоль почетного караула, попозировал журналюгам, пожал руки «невидимкам» и отправился в специально приготовленный ангар толкать речь. По теперешним временам весьма короткую, минут на тридцать. Но довольно информативную.

Вначале он осветил международную обстановку и поздравил американцев с большими успехами их войск в Италии. Отметил также огромную результативность действий совместной базы для достижения общей победы. А потом огорошил (во всяком случае, меня) тем, что, поблагодарив летчиков, объявил о закрытии 128-й АБОН. Дескать, свою задачу база выполнила, и так как целей в освобожденной Красной Армией Восточной Европе для стратегической авиации не осталось, то союзнические авиаторы теперь будут постоянно дислоцированы в Италии.

М-да... Я только покрутил головой. А ведь действительно – сейчас немцами контролируется только Западная Европа, в том числе северо-запад Австрии и запад Германии. И чтобы обрабатывать цели в этих районах, а также во Франции и разных Бельгиях с Нидерландами, им вовсе не надо делать огромного крюка для посадки на востоке. Расстояния-то резко сократились, и летуны могут работать со своего родного аэродрома без заходов в гости.

Потом Верховный рассказал о достигнутых на сегодняшний день результатах операции «Суворов» и как-то незаметно съехал на последние события, что происходили в этих местах. Тут уже среди летчиков поднялся удивленный ропот. Они ведь были ни сном ни духом об опасности, висевшей над их головами. А теперь, когда на сцене, после широкого жеста Сталина: дескать – вот они ваши спасители, появились русские «невидимки», америкосы после секундной паузы разразились аплодисментами и свистом. Иосиф Виссарионович, который явно не привык к такому странному выражению одобрения, слегка поморщился, но тут же, взяв себя в руки, начал улыбаться, а потом пригласил на трибуну Гарримана.

Посол тоже разразился речью, в начальной своей части сильно схожей с выступлением Верховного, но, освещая захват АКовцев, добавил, что попытка покушения на военнослужащих США воспринята президентом их страны очень близко к сердцу. Причем настолько, что с согласия советского правительства в расследовании этого покушения будут принимать участие следственные органы Соединенных Штатов.

Ага, вот оно! Я даже заерзал на своем месте. Ну все – держись, Миколайчик! Теперь тебе небо с овчинку покажется! Теперь тебя будут нагибать не только «восточные варвары», но и америкосы, а против этих объединенных усилий у тебя кишка тонка! А ведь при расследовании вполне возможен и выход на твоих хозяев...

Очередной раз поразившись прозорливости Колычева, я опять обратил внимание на сцену, так как там происходили интересные события. Гарриман после окончания своего спича заявил, что его правительство в знак благодарности за спасение жизни своих летчиков приняло решение наградить советских бойцов террор-групп Бронзовой звездой. И тут же, не сходя с места, приняв из рук помощника коробочки с наградами, начал одаривать ими слегка обалдевших «невидимок». Правда, мужики растерялись буквально на секунду, а потом армейские навыки дали о себе знать. Я даже фыркнул от восторга, когда первый получивший из рук посла звездочку темно-золотистого цвета на красно-сине-белой ленте (а это оказался Федька Свиридов) козырнул, пожал ему руку, а потом, четко повернувшись к залу, громко рявкнул:

– Служу Советскому Союзу!

А за ним «отслужили» свое и остальные ребята. Судя по всему, Верховному эта ситуация тоже очень понравилась, так как он благожелательно кивал и улыбался в знаменитые усы каждому выходящему. И потом, когда все закончилось, еще добавил, что, мол, от советского

правительства бойцы получают награды в Кремле, так как статут этих наград подразумевает награждение именно там.

В общем, как я понял, наши решили обыграть ситуацию по полной. В другом случае эта, в общем-то рядовая, операция по поиску и обезвреживанию диверсионной группы противника тянула бы только на Красную Звезду. Ну или если толково составить наградной лист, то на «Знамя» – максимум. А здесь, похоже, пахнет орденом Ленина. Да-а... на что только не пойдешь в пропагандистских целях...

Единственно несколько напрягла мысль о том, что моих ребят могут как-то обойти при раздаче «ништяков». Но, рассудив трезво и посмотрев на просто лучившееся лицо Ивана Петровича, сидящего в президиуме, я тут же успокоился. Американскую висюльку мне и даром не нужно, но вот советскими наградами мы точно не останемся обделенными. Конечно, воюем не за них, но все же, все же, все же...

А потом был небольшой банкет, после которого нас вызвали в дом, где расположился Сталин. Нас – это не в смысле меня и Гусева, а всех моих парней. Кстати, было очень прикольно за ними наблюдать. Они, когда узнали, куда именно мы идем, сильно спали с лица. Даже невозмутимый Марат, который в обычной жизни своим спокойствием мне всегда напоминал индейца, безостановочно облизывал губы и вертел головой, как будто воротник гимнастерки неожиданно стал давить на горло. Про остальных я вообще молчу. И это вполне понятно – когда некто Лисов первый раз входил к Иосифу Виссарионовичу, он испытывал похожие чувства. Хотя для меня тогда Сталин был не более чем историческим персонажем. А ведь для ребят он – ВСЁ. Реально – ВСЁ. Это позже будут стараться смешать его имя с грязью, но на сегодняшний момент он не просто руководитель страны, а руководитель страны, практически выигравшей самую страшную войну в своей истории. И сейчас все прекрасно понимают, что будь на его месте любой другой, то немцы бы уже давно соединились с японцами где-то в районе Урала. Но даже не это главное. Главное то, что уже несколько лет наблюдается просто пик обожания Верховного. И встреча с ним воспринимается обычными людьми как нечто запредельное, поэтому ребят так и колбасит. М-да... вот тебе и «культ личности» в самом ярком своем проявлении. Хотя правильно говорят: «Был культ, но ведь была и личность»...

В конце концов уже перед самой дверью в кабинет я не выдержал и, сказав сопровождающему нас сотруднику охраны: «Секунду подождите», обратился к мужикам:

– Отставить дрожание! Ведете себя, ёпрст, как барышни перед процессом дефлорации! Вы – офицеры Красной Армии! Возьмите себя в руки!

В ответ Жан, криво улыбнувшись бледными губами, даже попытался пошутить:

– Я только сержант. Мне можно...

– Тогда – делай, как я!

И, кивнув сопровождающему, рубанул строевым шагом в открытую им дверь.

А после всех положенных слов Сталин, оставив Гусева, Колычева и какого-то незнакомого мне очкастого парня сидеть за столом, прошелся перед нашим строем, внимательно вглядываясь в лица стоящих перед ним парней. Те, не дыша, задрав подбородки, ели высшее начальство глазами. Я еще подумал, как бы у них косоглазие не наступило от чрезмерного усердия, но в этот момент Виссарионыч улыбнулся и сказал:

– Вольно, товарищи, – а потом, отступив на шаг, поинтересовался у Колычева: – Иван Петрович, а что это в особой группе Ставки со званиями творится? Или товарищ Гусев своей волей разжаловал всех? Вот, например, Илья Иванович должен быть полковником, но носит майорские погоны. А товарищ Шарафутдинов, – Верховный безошибочно ткнул пальцем в Марата, – майор, но стоит передо мной капитаном.

Гусев вскочил и доложил:

– Товарищ Сталин, это сделано из соображений секретности! Звания, а также рода войск спецгруппа меняет исходя из поставленных задач!

Вождь, как будто про это раньше и не знал, удивленно покачал головой, но потом, улыбувшись, ответил:

– Это хорошо. А то я уж было подумал, что товарищи в чем-то провинились...

– Никак нет, товарищ Сталин! Результаты работы подразделения выше всяких похвал!

Это уже Колычев вставил свои пять копеек. Верховный глянул на него, после чего жестом усадил вскочившего наркома и, хмыкнув, сказал:

– Знаю, это я просто пошутил. А то наши герои, – он кивнул в сторону застывшего строя, – уж очень сильно нервничают. А товарищ Сталин, он ведь не Зевс-громовержец, он обычный человек, который может и пошутить, и посмеяться.

После этого, опять пройдясь перед нами, он, став серьезным, выдал:

– Товарищ Колычев постоянно держал меня в курсе относительно действий вашей группы. И они действительно – выше всяких похвал. Один захват Вельдберга позволил нашей контрразведке не только вычислить местонахождение гитлеровских подразделений с функциями аналогичными вашим, но и проследить возможные пути и каналы эвакуации нацистских бонз. А исходя из данных советской разведки, они уже бегут! Только далеко уйти им не удастся, и благодаря вашим действиям время на их поиск и поимку сильно сократилось. Поэтому от лица советского правительства выражаю вам благодарность!

– Служим Советскому Союзу!

Сталин после хорового вопля шутливо прикрыл себе ухо ладонью и, посмеиваясь, укорил:

– Совсем оглушили. – После чего, положив трубку на стол и направив палец в нашу сторону, продолжил: – Добавлю, что ваша операция по поимке Вельдберга будет достойно оценена. Но не здесь, а в Кремле. И еще, по поводу найденного золота, хочу сказать, что нами принято решение наградить вас ценными подарками. Какими – сейчас сообщать не стану, пусть это будет сюрпризом, о котором вы тоже узнаете в Москве. Поэтому готовьтесь, товарищи, завтра вы вылетаете в столицу нашей Родины. Товарищ Гусев, займитесь подготовкой бойцов к встрече со столицей. И на этот раз – без всякой секретности. Пусть люди наденут все свои награды и заслуженные погоны.

– Разрешите выполнять?

– Выполняйте, и... – Готовая следовать за Серегой пятерка застыла на месте, опять повернувшись к Верховному. – Я хочу сказать, что очень рад личному знакомству с одной из лучших спецгрупп нашей армии.

А потом прошел вдоль строя и пожал всем руки. У меня мелькнула мысль, что пацаны теперь правую руку год мыть не будут, и, с трудом задавив смешок, собрался было уже идти вслед за генерал-майором, но Сталин, в лучших традициях «Семнадцати мгновений» остановил меня словами:

– Товарищ Лисов, а вас я попрошу задержаться. – И дождавшись, когда за моими ребятами закроется дверь, выдал: – Илья НИКОЛАЕВИЧ, я хотел бы вас познакомить с нашим новым начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – Станиславом Игоревичем Тверитиным...

Опаньки! Если Верховный выделил мое настоящее отчество, то значит, этот начальник в курсе, что собой представляет Лисов на самом деле. Я более внимательно взгляделся в подхваченного ко мне парня. Так, рост примерно метр семьдесят шесть, возраст – чуть за тридцать, очки с минусовыми стеклами. Характерная особенность – когда Сталин говорил, «пропагандист» держал голову чуть повернутой к говорящему левым ухом, значит, правое плохо слышит. И еще: с той же стороны на фейсе несколько мелких шрамов. Ага, похоже, этот паренек вовсе не кабинетный сиделец и успел повоевать. Или не повоевать, а просто попасть под взрыв.

Поэтому – барабанной перепонке пипец, глаз поврежден и на морде отметины. Но руку не зацепило. Это я отметил, отвечая на крепкое рукопожатие Тверитина.

В принципе, так наше знакомство и состоялось. Сталин в дальнейшем разговоре подтвердил, что главный идеолог действительно знает о моем инновременном происхождении, а потом, побеседовав с нами еще минут двадцать, отправил обоих со словами:

– Вам теперь придется плотно контактировать, так что начинайте притираться друг к другу. А сейчас можете быть свободны.

Козырнув Верховному, мы вышли, и, уже идя по коридору, Станислав предложил:

– Ну что, может, сейчас ко мне? Вы не против? Я думаю, у нас друг к другу будет масса вопросов.

– Пойдемте. Мне всегда было интересно, как именно творится пропаганда.

– Пропаганда? – Тверитин ухмыльнулся и, открывая передо мной дверь в отведенную ему комнату, спросил: – А вы знаете, что это такое?

Вот так провокационно началась наша первая беседа. Правда, через полчаса мы уже договорились перейти на «ты», но общий накал снизился лишь после того, как основательно «прощупали» друг друга. И поэтому после чая разговор пошел гораздо более доверительный и человечный. А собеседник он оказался – обалденный. И знаний у парня было просто выше крыши. Знаний и упорства в достижении поставленных целей.

– Я чуть больше чем полгода назад был назначен на эту должность и пришел в ужас, когда увидел, что творится в идеологическом секторе! – Стас махнул рукой, рассыпая пепел. – Догадывался, предполагал, но никак не рассчитывал встретить такое... Это же ни в какие ворота! Болото, по-другому состояние дел не назовешь. Те, кто должен отвечать за идеологию, настолько обленились и обросли жиром, что ни о каких изменениях и слышать не хотели! До них просто не доходило, что с двадцатых годов все очень сильно поменялось! А в идеологии ведь очень важно не только понимать текущий момент, но и моментально реагировать на него. И не только в идеологии, а и в экономике. Ведь не зря товарищ Сталин начал проводить экономические преобразования. А пропаганда должна действовать гораздо быстрее и объяснять все нововведения с выгодной для государства точки зрения.

– Это точно. – Ткнув папиросой в переполненную пепельницу, я ухмыльнулся. – После речи Верховного бойцы начали трясти замполитов, требуя объяснений и толкований, а те сами ни ухом ни рылом. Тупо зачитывали спущенные сверху распоряжения, а вот чтобы доступно объяснить начавшиеся реформы, так это получалось буквально у единиц. А остальные просто бздели и при зачитывании утвержденного текста только что в обморок не падали. Кстати, насчет «утвержденного» – я сам был свидетелем, как один замполит полка, волнуясь, интересовался у своего дивизионного начальства: не является ли присланная бумага вражеской провокацией. А уж на вопрос бойцов: «Так это что – почти что новый НЭП?», заходились криком и пенились, как огнетушители. Уж больно резко сменилась линия партии и, как сказал бы незабвенный основоположник ленинизма – твердокаменным большевикам это как серпом по одному месту.

Стас кашлянул и, странно глядя на меня, вклинился в монолог:

– М-да... Хорошо, что Иосиф Виссарионович меня предупредил...

– Насчет чего?

– Насчет того, что у товарища Лисова весьма своеобразное отношение как к партии, так и к отдельным ее представителям.

Я покладисто согласился:

– Не переносу замполитов. Нет, и среди них нормальные люди встречаются, но мне они попадались крайне редко. В основном стукачи, которые только и могут, что тупо цитировать заранее написанные и спущенные сверху цидули. При этом, не отступая от текста ни на одну

запятую. А если вдруг сами что-то напишут – для доклада там или выступления, то речь будет состоять из одних штампов и лозунгов...

А про себя подумал, что Тверитин, наверное, опупел, когда услышал мою характеристику из уст вождя. Да и я, когда очередной раз, уже после опросов, со Сталиным говорил, честно говоря, забздел основательно. Тогда, помню, после страстного монолога, где я, войдя в раж, крыл всех и вся, Верховный, отложив трубку, долго смотрел на меня немигающим взглядом, а потом подвел черту:

– Слушая вас, я очередной раз убедился, что вы, товарищ Лисов, не только авантюрист, но еще и ярко выраженный антикоммунист.

Похоже, вид у «товарища Лисова» после этих слов, звучавших, как приговор, стал несколько бледноватый, так как Виссарионович негромко рассмеялся и продолжил:

– Но это делу не помеха. Нам остро необходим критический взгляд на наши недостатки, да и антикоммунизм ваш больше наносной, и я думаю, со временем он пройдет. А если даже не пройдет...

Тудыть твою в качель, вот как я ненавижу подобные паузы, которые Верховный умеет держать мастерски. А если учесть весьма скользкую тему разговора, то седых волос за эти секунды у меня прибавится в разы. И хоть собеседник знает про то, что смерти я не боюсь, и знает причины этой не боязни, но один черт – страшно! Ведь страшит даже не смерть, а возможное разочарование в этом человеке.

Но Иосиф Виссарионович, как будто подслушав мои мысли добавил:

– Если не пройдет – тоже ничего страшного. Вы за эти годы уже поняли, что товарищ Сталин вовсе не такой людоед, как про него говорили в вашем времени. И я совсем не хочу вас в этом хоть как-то разубеждать и подвергать репрессиям за честно сказанные слова и обозначенную гражданскую позицию. Только поверьте мне – ваша позиция будет меняться. Вы ведь на своей шкуре почувствовали, что такое капитализм в самом антигуманном его проявлении, и до вас постепенно дойдет, что нашему, социалистическому, пути развития – альтернативы просто нет. Только не надо путать военный социализм и то, что мы в ближайшем будущем начнем строить. Я думаю, лет через семь-восемь мы вернемся к этому разговору, и я с удовольствием послушаю ваше изменившееся или... или не изменившееся мнение.

Так что после того разговора все эти намеки, озвученные главным пропагандистом, мне по барабану. У меня, считай, карт-бланш от самодержца, поэтому хоть как-то менять свое отношение к зажавшимся аппаратчикам я начну только тогда, когда они сами начнут меняться.

Хотя... вот этот идеолог, похоже, вполне нормальный мужик. С тараканами, конечно, все поймать меня пытается, но это нормально. В нашем деле по-другому не выжить, какой бы ты замечательный ни был. Да и видимся мы первый раз, поэтому вполне понятно его желание разъяснить собеседника, насколько это возможно. Ведь он прекрасно понимает, что весь наш разговор будет доведен до Колычева. Просто потому, что так положено, исходя из специфики моей службы. И я прекрасно знаю, что Стас в свою очередь поделится со Сталиным.

А так как нам вместе еще пахать и пахать, то друг к другу притираться надо по-любому. Только сейчас он меня опасается гораздо больше, чем я его, поэтому и пытается нащупать ту степень доверия, которая вообще возможна в нашей ситуации. Ну да ничего! Пару-другую кило соли вместе съедим, и все устаканится. Его бы в мою группу и в дальний рейд, там бы мы быстро снюхались. Но такой экстрим невозможен, так что все будет зависеть только от времени.

А Тверитин тем временем продолжал:

– Что же касается так нелюбимых тобою партийных работников... А ты учитываешь, что у них нет права на ошибку? Вообще нет! Авиаконструктор, к примеру, если сильно ошибется, то максимум, что ему грозит, так это «шарашка». А если ошибется партийный работник? Ведь не зря про них говорят: «Открыл рот – рабочее место готово».

– Говорят как раз таки про «закрыв рот»...

– Это непринципиально. Так вот, если этот рот хоть в чем-то ошибется при донесении идеи партии, то пощады не будет. Поэтому люди в основном просто боятся допустить ошибку. Но в чем-то ты прав – очень мало осталось среди партаппаратчиков по-настоящему инициативных людей. Ведь самое интересное, что были разосланы циркуляры и рекомендации по подготовке населения к реформам. Только срабатывали они через раз. Те, кто действительно горел своей работой, сделали все, чтобы информация сработала, как задумывалось. А остальные... им ведь ничего не надо. Только паек, власть и привилегии, на прочее – плевать. Нет, они делают свое дело, но очень косо, потому как превратились за эти годы в ярых конъюнктурщиков.

– Понятно, – откинувшись на стуле, я заложил руки за голову, – конъюнктурщики тебе не нужны. Тебе нужны креативщики.

– Кто?

Стас перестал вещать и несколько секунд шевелил губами, бормоча:

– Креатив... ага... созидание... творчество... Английское слово? Но ты опять прав! В этом деле нужны именно творческие люди, которые будут ежесекундно отслеживать настроения в обществе и моментально реагировать на все изменения на местах. Не с недельной, месячной или полугодовой задержкой, а именно моментально! И это ведь не только внутри страны делать нужно, но и по всему миру. Вот сейчас у нас задача – создание положительного образа СССР в глазах мировой общественности. Ну, пока мы немцев бьем, это делать довольно легко. Но ведь, насколько я знаю, после этой войны начнется «холодная война». А это значит, что из первой задачи вытекает вторая – не допустить «холодной войны». И мы уже начали работу в этом направлении.

Я заржал и ответил:

– Видел, видел, как америкосы за нашими портками охотятся.

– Во. – Тверитин поднял палец. – Это мелочи, но из таких мелочей и складывается идеологическое воздействие. В данном случае – пропаганда советских «невидимок» как самых сильных, умелых и страшных бойцов. Люди всегда тянутся к чему-то сильному и героическому, поэтому детали вашей униформы настолько популярны. Каждый хочет хоть как-то приобщиться к живой легенде. А вот, к примеру, на Тихоокеанский ТВД, где о террор-группах слышали только краем уха, но куда идут наши военные поставки, в стволы некоторых минометов вкладывается завернутая в ветошь бутылка водки. И записка, написанная женским или детским почерком. Что-то наподобие: «to dear american brother-in-arms». И это тоже капля на наши веса. А из таких капель и складывается мировое общественное мнение.

– М-да...

Я только удивленно крутил головой, слушая разошедшегося Стаса. Блин! А ведь действительно, вот так вот, по мелочи, по чуть-чуть, постепенно преподносить миру облик измененного Союза. Нас представляли зверями и дикарями, а что если все переиграть? Нет, варварами сразу нас считать не перестанут, но если это повернуть в свою пользу? Создать, так скажем, совершенно новый облик советского человека в глазах мировой общественности.

Когда я озвучил эту идею Тверитину, он только хохотнул:

– А мы что делаем? Видишь ли, я читал записи твоих опросов и понял одну интересную штуку. Если опустить наши природные богатства и территории, то знаешь, почему к нам такое отношение на Западе?

– Потому что они – козлы!

– Это тоже опустим... А к нам так херово относятся даже не столько из-за коммунистической идеологии, а просто из-за того, что мы – белые.

Я удивился:

– Это в каком смысле?

– В самом обычном. В смысле – цвета кожи. Внешне ведь мы ничем не отличаемся от европейцев, и они подсознательно ждут схожих с ними поведенческих реакций, а их нет! – Стас хлопнул себя кулаком по ладони, продолжая: – Нет, потому что у нас совершенно другой менталитет. СОВЕРШЕННО. И вот когда до них дойдет, что мы пусть и белые, но ДРУГИЕ, то отношение поменяется. Ведь, к примеру, к тем же японцам до войны не было никаких претензий. Да, делают харакири – несколько, конечно, варварское занятие, но это традиция и поэтому воспринимается европейцами спокойно. Кланяются безостановочно, орут как потерпевшие, едят всякую гадость. Но это совершенно никак не влияет на отношение, потому что европейцы внутренне к подобному готовы и воспринимают такое поведение как само собой разумеющееся. А вот по отношению к нам – влияет и еще как!

Хм... а ведь если подумать, то так оно и есть. Мордально мы действительно ничем не отличаемся, и инострики наших за границей начинают вычислять даже не по русскому говору, а по немереному потреблению горячительных напитков, купанию в фонтанах и яростным дракам с грабителями, которые тоже сразу не распознают в своих жертвах русских. Только когда пьяненький турист, вместо того чтобы покорно отдать кошелек здоровенному негру, начинает метелить этого самого негра, да еще и радостно материться, до грабителя доходит, что он круто попал, потому что нарвался именно на выходца из России.

Только вот как изменить это отношение, я не очень понимал. То есть конечная цель понятна, но вот как ее добиться? Спросил у Стаса. Тот, подумав несколько секунд, ответил:

– Вообще, разрабатывается очень обширная и комплексная программа. И для внутреннего применения, и для внешнего. Вот для внешнего мы просто начнем создавать образ русского. Вон, как в Штатах делают. Ты ведь можешь сразу ответить, как представляешь себе обычного, среднего американца?

– Могу, – я с готовностью выпрямился на стуле, – это жирная свинья, которая заботится только о собственном благополучии. Своих родителей он сдает в дом престарелых, а с детей, по достижении ими шестнадцати лет, начинает взимать плату за проживание в собственном доме. Науками не интересуется. Обычно умеет только писать, а с арифметикой уже полные нелады, поэтому даже элементарные вычисления делает на калькуляторе или компьютере. Носит чехол для дирижабля, ошибочно принимая его за футболку. Считает, что весь мир должен жить по его образу и подобию. Да, очень любит себя, гамбургеры и Макдональдс.

Тверитин, пока я говорил, слушал, приоткрыв рот, а потом, тряхнув головой, выставил руки вперед:

– Стоп, стоп, стоп! Я спросил не про будущего американца, а про настоящего. Сейчас, как ты себе их представляешь? Во что одеты и чем занимаются простые люди? Самый первый и самый яркий образ?

– А, вот ты о чем. Ну тут вопросов нет. Самый яркий образ это, конечно, ковбой в прериях. Весь такой загорелый, работающий и отлично стреляющий.

– Вот. Именно образ ковбоя в широкополой шляпе, узких саржевых брюках и с двумя кольтами является наиболее ярким символом Америки. А мы создадим образ советского человека.

Я ехидно хмыкнул:

– Строителя коммунизма? И кстати, то что ты назвал «саржевыми брюками», образованные люди обычно называют джинсами...

Стас на подначку внешне никак не отреагировал и ответил:

– Нет, идеологии в этом образе практически не будет. А для Запада обычный советский человек будет выглядеть приблизительно так: крепкий, здоровый, малость грубоватый и работающий. Под европейского денди его маскировать все равно бессмысленно, поэтому мы решили отталкиваться от американского опыта. Тем более что у нас много общего: огромные территории, многонациональность, множество неосвоенных земель. Так вот, русский одевается

обычно в гражданский вариант разгрузки (уж если она сейчас настолько популярна, то грех этим не воспользоваться) и в удобные мешковатые штаны со множеством карманов. На ногах крепкие ботинки или полусапоги. Живет он в бревенчатой избе – эдакий коттедж из круглых бревен. Его жена или подруга, как правило, небольшого роста, но фигуристая и непременно с длинной косой. Скулы высокие, глаза большие. На ногах – сапожки. Носит юбку до колен, а если зима, то легкий полушубок отличной выделки. Оба – замечательные стрелки и в свободное от работы время любят поохотиться на медведя или внезапно напавшего врага. На такой случай русский держит дома автомат, а у жены стоит любовно ухоженная винтовка с оптическим прицелом.

Слушая Тверитина, я постепенно дурел, но увидев хитрющий блеск в его глазах, возмущенно завопил:

– Да ты меня прикалываешь, паразит такой! А еще – главный агитатор! Постыдился бы! Я ведь на секунду подумал, что ты это серьезно... И поэтому обалдел вконец...

Стас рассмеялся, хлопнул меня по плечу и примиряюще сказал:

– Ты первый начал... А я, конечно, шучу. Если бы все было так просто... Но кстати, я тебе озвучил один из вариантов, который среди десятков прочих разрабатывался нашей командой. Так что в каждой шутке есть только доля шутки. А вообще, – он мечтательно поднял глаза к потолку, – нам сейчас очень-очень не хватает телевидения. В смысле – не того экспериментального вещания, которое есть сегодня, а массированного внедрения под девизом: «Телеприемник – в каждый дом!». Ведь это получается наиболее действенный и мощный источник пропаганды. Конечно – грамотно подобранное движущееся изображение, да еще и с наложенным текстом может дать потрясающий эффект! Товарищ Сталин, разумеется, уже отдал распоряжение всячески форсировать работы в этой области, но ближайшие года два, до начала промышленного выпуска приемников и развертывания телесети, нам придется обходиться тем, что есть. И кстати, хотел задать тебе вопрос: ты, наверное, напалмовые бомбардировки в своем времени видел только на экране?

Я удивился внезапной смене разговора, но честно ответил:

– Да. А откуда ты знаешь?

Завсектора, не отвечая на мой вопрос, тем временем задал следующий:

– То есть, когда предлагал свое изобретение, «вживую» работу напалма представлял слабо?

– Почему? – Этот вопрос меня даже слегка возмутил. – Я еще с детства помню, как при подготовке бойцов спецназа обливали напалмом стену здания, которое они должны были атаковать. Или старую технику им же поливали... Во где моща! Пирогель броню бэтэра прожигал, как воск! А для запаха туда еще тушки крыс кидали, ну чтобы пробрало посильнее и к реальности быть ближе. Кстати, именно из-за запаха я про напалм и вспомнил. Только непонятно, как ты угадал, что сами бомбардировки я только на экране видел?

Тверитин улыбнулся.

– Догадался. Просто мой друг был в объединенной команде, которая доводила до ума твоё предложение. Да... если бы ты им тогда под горячую руку попался, я бы тебе не позавидовал.

– А что не так?

– Ну... – Стас задумался, а потом ответил: – В общем-то, все не так. Мне это Савелий объяснил как специалист. Ведь сгущенный нефтепродукт применялся еще в Первую мировую войну и сошел со сцены именно в силу своей неэффективности. То есть, что касается площади и интенсивности поражения, он и рядом не стоял с обычными бомбовыми ударами. Ты, наверное, когда по телевидению результаты напалмовой бомбардировки видел, то был сильно впечатлен?

– Еще как – море огня и сгоревшие трупы.

– А в Крыму как было?

Почесав щеку, я ответил:

– Несколько не так, но эффект был сильный!

– Вот именно что – эффект, а не эффективность! И еще учти, что твой рецепт очень сильно доработали. И даже не столько его, хотя там специалисты превзошли самих себя, а именно способ применения. Ведь как вышло – когда сверху химикам-оружейникам спустили эту задачу, то они ее выполнили очень быстро и передали получившийся продукт летчикам. А те схватились за голову, так как отлично знали, насколько мизерный результат будет при его использовании. Ведь надо не только обработать напалмом территорию, но еще и попасть в нужную цель, а это практически нереально. Только сверху требовали результата, поэтому химики и летуны провели испытания, полностью подтвердившие их опасения. Когда же они обратились к товарищу Сталину, пытаясь объяснить бесполезность этой затеи, то им дали почитать боевое донесение летчиков, наносивших удар по румынским позициям. И данные разведки об эффективности этого удара. Да еще и пальцем недвусмысленно погрозили... Испытатели утерлись и стали думать, что же делать. Ведь вся загвоздка в том, что в первый раз его применили именно с «У-2»! А у него скорость и высота тогда были такие, что летчик мог сброшенной с самолета гайкой попасть в голову любому, на выбор, противнику. Только вот днем этот самолет можно сбить хоть из пистолета. Да и полезная нагрузка у «У-2» – мизерная. А при использовании огнесмеси с нормальных бомбардировщиков она становится практически бесполезной. Там ведь и скорость и высота совсем другие.

– Ага, как же – «бесполезной»! Я сам видел, как после бомбардировок с ТБ, фрицы пачками сдавались. И среди пленных – психов целая толпа была! Сошедших с ума от такой «бесполезности»!

Стас кивнул, соглашаясь:

– Конечно. Особенно если учесть, что была придумана новая тактика применения авиаударов специально для использования твоего боеприпаса. С летчиков ведь тоже спросят, если задача будет не выполнена. Вот поэтому так и действовали – первые волны ТБ несли напалм, а замыкающие самолеты отрабатывали обычными осколочно-фугасными бомбами, которые накрывали высочивший на тушение пожара личный состав. Да плюс эскадрильи «У-2», ночью точно работающие «жупелом» по обнаруженным днем опорным пунктам.

– Да ну... – Я, пребывая в сомнениях, покачал головой. – А как же вопли Геббельса о применении русскими бесчеловечного ОМП?

– А что ему еще было делать? Даже без напалма крымская группировка сдалась бы, просто на несколько дней позже. А тут – такое оправдание! Ведь на «генерала мороза» это поражение не спишешь – климат не тот, а вот спихнуть свое поражение на русское чудовищное оружие – в самый раз! И вспомни, тогда сразу же появилось множество очевидцев, которые рассказывали про «огонь с неба», до жути все приукрашивая. Но тут Геббельс сам себя перехитрил. Мы ведь впоследствии практически не применяли огнесмесь, именно в силу ее малой эффективности, но зато, когда для добивания почти сломленного противника, начинали обрабатывать его «жупелом», то он довольно часто «ломался» окончательно. Не из-за потерь, которые были гораздо меньше, чем при применении обычных бомб, а именно потому, что немцы психологически были готовы к панике при виде льющегося с неба огня. И право на эту панику им дал сам Геббельс своими завываниями о «бесчеловечном оружии». Единственное, где напалм себя показал очень неплохо, были вражеские аэродромы. Вспомни, сколько тогда самолетов сожгли, прежде чем немцы придумали новую тактику противодействия? Ну и в польских лесах, когда оттуда гитлеровских окруженцев выкуривали, он тоже был выше всяких похвал.

Е-мое! Я слушал Стаса, и уши у меня горели рубиновым огнем. Неужели все действительно так? Хотя сейчас, вспомнив все обстоятельства, я уже в этом не сомневался. Блин!

Вот уж лопухнулся так лопухнулся! Только вот зачем он это все мне сейчас рассказал? Хочет отыграться по очкам и показать, что и они не пальцем деланные? Хм, похоже, тут другое. Похоже, Тверитин таким образом намекает, что я, конечно, могу вещать Кассандрой, но все сказанное мною вовсе не обязательно станет претворяться в жизнь, так как не является истиной в последней инстанции. Ну, в принципе, он где-то прав. И этот рассказ не является каким-то выпадом, а просто тонко обозначает границы будущих взаимоотношений. Я-то кто – простой времяпроходимец, да еще и с карт-бланшем от Верховного, а вот вся ответственность за грядущую совместную работу будет лежать именно на начальнике Управления. Угу – понятно... Понятно и принято. Единственное...

– А Иосиф Виссарионович про это знает?

Задав вопрос, я с напряжением ждал ответа, и Стас не стал томить.

– Знает. После операции в Крыму к товарищу Сталину на прием пришел главком авиации с химиками и они подробнейшим образом все ему объяснили.

Ну вот и хорошо. Раз Виссарионыч в курсе, значит, на это «чудо-оружие» не будет возлагаться неоправданных надежд. И еще – по логике разговора, если я прав в своих предположениях относительно поднятой темы, то главный идеолог теперь должен меня подбодрить и указать на плюсы, чтобы Кассандра от такого поворота не замкнулась и не стала бояться предлагать что-то новое. Интересно только, как он это будет делать? После столь сокрушительного облома, я бы, например, даже не нашелся, что можно хорошего сказать про «жупел». Но, чтобы дать шанс собеседнику, пробормотал:

– А мне он так ничего и не сказал...

И Тверитин не обманул моих надежд:

– Наверное, расстраивать не хотел. Но если говорить серьезно, чего ты переживаешь? Ведь главное – это конечный результат. А вот как раз он – самый замечательный! И пусть эффективность у предложенного тобою оружия маленькая, но ведь все твердо уверены в обратном. И это сделано не без помощи активной пропаганды! Ведь когда немцы несколько раз использовали сгущенный бензин против советских войск, психологический эффект был практически нулевым. А все потому, что наши солдаты были убеждены в том, что гитлеровцам не известен секрет нашего грозного оружия, и поэтому они смогли изготовить только его жалкое подобие. И эта убежденность у них появилась тоже благодаря нашему своевременному вмешательству. – Стас подмигнул и, закуривая очередную папиросу (мои сигареты к этому времени уже закончились), сожалеюще сказал: – Все-таки очень не хватает телевидения. Мы бы так развернулись... Хотя еще перед прилетом сюда у меня появилась одна мысль относительно последнего дела вашей группы и освещения попытки поляков уничтожить американских летчиков.

Во как у человека язык подвешен! И нашел ведь слова! Недаром главным болтуном пригласили работать. Довольный, что правильно вычислил своего собеседника, я сказал:

– Стоп. Просто сразу хочу обозначить наши позиции в дальнейших взаимоотношениях. Окончательные решения принимаешь ты, потому что отвечаешь за них головой. Я, когда командование прикажет, буду при тебе просто прикомандированным советником. Ты меня можешь слушать, а можешь не слушать, так как, даже зная будущее, я могу ошибаться. Мысль понята верно?

Тверитин, удивленный резкой сменой разговора, пару секунд молча глядел на меня, а потом внезапно расплылся в широкой улыбке:

– Верно. И я очень рад, что ты это сразу понял, а то я, честно говоря, немного побаивался работать с такой неординарной личностью. И хотел, и боялся. Тому было множество причин. И, как мне кажется, ты все эти причины для себя уже разложил по полочкам.

– Разложил не разложил, но проникся. И субординации тоже не чужд, только на легкую жизнь все равно не рассчитывай. Если буду считать себя правым – спорить будем до хрипоты. Но последнее слово, конечно, за тобой.

Собеседник хмыкнул:

– А ты думаешь, сейчас у меня по-другому происходит? Команду-то я под себя подбирал... – И, удивленно покрутив головой, добавил: – Но как ты меня быстро раскусил. Я-то все думал, ну как же до тебя эту мысль довести, а ты ее первый озвучил.

– Не прибедряйся. Ты ее довел очень даже популярно – только тупой не поймет. И предлагаю – если уж мы определились в начальных взаимоотношениях, перестать друг друга осыпать комплиментами и заняться делом. Что ты там про кино говорил?

– Согласен! – Быстро переключившись, Станислав вскочил со стула и, меряя комнату быстрыми шагами, начал излагать свою идею: – Я вот все думал про «картинку» – и вот она «картинка»! Телевидения толкового пока, конечно, нет, но ведь есть кинематограф! Да, это требует больших затрат, но в данном случае овчинка стоит выделки! Вот скажи, как бы ты отнесся к совместному цветному советско-американскому фильму на эту тему?

– Чего-о-о?

– А что ты так изумился? Считаешь это невозможным? Зря! Рузвельт еще полтора года назад попросил Голливуд заняться производством фильмов о Советском Союзе. Ты что, «Миссию в Москву» не видел, или «Песнь о России»? А «Три русские девушки»?

Хм, вообще-то эти фильмы я видел. И полностью с них опупел. Одно дело, когда подобное кино делают у нас, но вот от америкосов я такого совершенно не ожидал. В той же «Миссии в Москву», снятой по книге Джозефа Дэвиса, дана просто потрясающая оценка политике СССР. В этом фильме руководители моей страны изображены не красноглазыми монстрами-людоедами, а наоборот: дальновидными, умными и взвешенными политиками. А уж когда я увидел и услышал, что американцы в своей картине оправдывают не только войну с Финляндией, но и договор Молотова-Риббентропа, то чуть не подавился семечками. Поэтому, после слов, что чистки конца тридцатых годов были направлены на улучшение безопасности страны в преддверии войны, я даже не удивился, так как удивляться было уже дальше некуда. Одна только мысль осталась: эх, сюда бы в кинозал, современных мне демократов посадить! Их бы точно кондратий хватил, если бы они узнали, как во время войны отзывались об СССР в «незыблемой цитадели демократии». Зато я понял – когда буржуинам действительно приспичит, то они готовы не только говорить правду, но и снимать о ней фильмы. Но когда надобность в России отпадает, то на Западе моментально включают свою многостольную говнометалку...¹

А Тверитин тем временем развивал свою мысль:

– Так что после выхода серии фильмов об СССР американцы неоднократно обращались к нам с просьбой, снять совместную картину. Последний раз, месяца полтора назад, от MGM поступали подобные предложения. Думали снять художественное кино о действиях наших террор-групп и их морских пехотинцев в Югославии.

Удивившись, я спросил:

– Это когда они совместно действовали? Тем более в Югославии?

– Никогда, но это роли не играет. Для них главное, чтобы в фильме присутствовали «невидимки» вместе с американскими солдатами.

– Понятно. А при чем тут наша последняя операция?

– Да как ты не понимаешь? Представь – мы ведь будем экранизировать практически реальную историю! За это любой сразу ухватится! И все будет показано как есть, разве что добавится история чудесного спасения русским «невидимкой» американской корреспонден-

¹ Данные фильмы, снятые в Голливуде, имели место быть в реальной истории. – Здесь и далее примечания автора.

дентки, к примеру из «Вашингтон пост», которая приехала на совместную базу освещать визит товарища Сталина и американского посла! Ну и конечно внезапно вспыхнувшая между ними страстная любовь, куда уж без этого...

Поперхнувшись от неожиданности, я заржал так, что чуть не кувыркнулся со стула, и сквозь смех выдавил удивленному Стасу:

– Любовь между Верховным и Гарриманом?! Да еще и страстная!? Ой, сейчас помру!!

Какое-то время Тверитин недоуменно смотрел на дрыгающего ногами собеседника, но потом, сам не выдержал и, рассмеявшись, ответил:

– Дурак, между нашим солдатом и американкой! А заодно будет показан не только военный быт, но и жизнь обычных людей – хуторян, которые всячески содействовали поимке врага.

– Может тогда сразу – колхозников? Ты ведь сам «пел» про идеологию?

– Нет, колхозники это перебор. В данном случае действовать надо гораздо тоньше. Идеология в таком фильме должна быть тщательно скрыта. Разумеется, она обязательно будет присутствовать, но практически незаметно.

– Это ты опять так шутишь? Я имею в виду – насчет фильма?

Стас пожал плечами:

– Какие уж тут шутки. Сейчас, по приезду, буду подключать наших сценаристов, режиссеров и выходить на американцев.

– Круто! А на главную женскую роль кого пригласишь? – Тут, представив себе фигуристых забугорных поп-див, я моментально перевозбудился и с жаром выдвинул свое предложение: – Кстати, про Мэрилин Монро ты ничего не слышал? Очень, очень советую! – Но следующая мысль заставила вернуться с небес на землю. – Хотя... Блин, отставить! Она еще скорее всего даже не актриса... Эх, жалко-то как!

Вспомнив душераздирающие формы главного секс-символа Голливуда, я в расстройстве шмыгнул носом и замолк.

Станислав, недоуменно покосившись на меня, спокойно ответил:

– Нет, про Монро не слышал. А вот на примете держу Кэтрин Хэпберн, Энн Севедж и Вивьен Ли. Предпочтительнее всего конечно же Ли.

– Ха, губа не дура! А она согласится?

Тверитин плотоядно оскалился:

– Куда она денется, если в этом будут заинтересованы ее работодатели?

– Ну тады – ой!

В общем со Стасом мы просидели почти до утра. Разговор шел то о задуманном фильме, то о подковерной возне как в правительстве, так и на местах, где было много недовольных новой линией Сталина, то о политике. Кстати, новый знакомый меня сильно удивил, сказав, что американцы, даже в случае железных доказательств участия англичан в попытке покушения, никаких особых действий предпринимать не станут. Да и мы слишком сильно давить не будем. Это, мол, просто нецелесообразно. Но зато те же америкосы могут здорово одернуть своих людей из демократической партии, которые всячески ратуют за Польшу. На поляков нам в данном случае плевать, главное, что будут опарафинены те, кто пропихивал Трумэна на пост вице-президента. Этот сенатор (не без нашей помощи) находится под следствием, но костяк его команды выбрал нового кандидата и сильно давит на Рузвельта. А тут вдруг такой козырь в руки старине Франклину. И, судя по всему, Рузвельт этот козырь использует на все сто.

Слушая Тверитина, я уже было хотел возмутиться насчет «нецелесообразности», но последние его слова заставили меня всерьез задуматься. Блин! А ведь действительно – мало ли наше правительство выражало недовольство действиями поляков? Но что пшки, что их английские друзья, на советское бурчание плевать хотели. И зная это, я периодически задумывался над конечными результатами всей проводимой операции. Нет, вычисление

«крота» в верхних эшелонах власти – это, само собой, дело хорошее. Но вот дальше – зачем вся эта бодяга, да еще и проведенная с таким огромным размахом? Пусть даже все складывалось бы по первоначальному плану – то есть была бы предпринята массированная атака на аэродром крупными силами Армии Крайовой. Ну накрошили бы великополюков, взяли «языков», и что? Очередная нота? Может, пожестче, но по сути все останется, как и было. Нам сейчас, действительно, сильно ссориться с Англией смысла нет. А вот если принять во внимание слова Стаса насчет демократической партии... Может, в этом вся соль? Не допустить во власть тех, кто впоследствии развяжет «холодную войну». Епрст! Как интересно получается...

М-да, надо будет у Колычева поинтересоваться, прав я в своих рассуждениях или нет. Хотя, если он мне ничего раньше не говорил, то и сейчас вряд ли что скажет. Нарвусь только на очередное напоминание относительно секретности, и этим все дело закончится.

Пока я размышлял, Стас, широко зевнув, предложил:

– Ну что, может, закончим на сегодня? Как-никак, уже через четыре часа вылет.

– Согласен.

Поднявшись, я пожал руку Тверитину и, уже подходя к двери, полюбопытствовал:

– Слушай, раньше неудобно было, а сейчас вроде можно спросить – тебе где так фейс покоцало? На фронте, миной?

– В шахте.

От такого неожиданного ответа я только крякнул и удивленно уточнил:

– Так ты не только на журналиста отучился, а еще успел и шахтером поработать? Вот ведь никогда бы не подумал.

Стас криво ухмыльнулся:

– И я не думал, только пришлось-таки три года «давать стране угля» в шестом Особлаге. Самое смешное, что попал я туда за то, за что сейчас мне деньги платят да еще и нахваляют. А вышел в начале сорок второго по амнистии. Тогда очень многих выпускали. И так как поражение в правах практически со всех амнистированных было снято, то вернулся домой, в Москву. А дальше – фронт и работа корреспондентом «Известий». Потом – командировка к белорусским партизанам, где познакомился с Петром Мироновичем Машеровым. Познакомился и подружился. А еще через четыре месяца был отозван в столицу и вызван на Лубянку. Сначала перетрусил, но Петро объяснил, что наркомун НКВД для какого-то важного дела нужны нестандартно мыслящие личности. И что, когда Машеров в разговоре с Лаврентием Павловичем озвучил несколько моих идей, то Берия очень сильно ими заинтересовался. У него ведь особый талант – находить нужных людей...

– Ого! Воистину судьба играет человеком – вчера зэк, а сегодня кремлевский житель. И главное, через кого?!

– Да, именно через Берию. Я же говорю – у него талант... И еще, если уж так разговор повернулся... – Стас как-то смущенно замолчал, а потом продолжил: – Когда товарищ Сталин мне про тебя рассказывал, то упомянул и о том, что ты по поводу арестованных говорил. Поэтому – спасибо тебе! Если бы не ты, я бы до сих пор на нарах парился. И тысячи остальных тоже...

Я в смущении чуть не шаркнул ножкой.

– Чего уж там. Если что – обращайтесь еще!

Тверитин рассмеялся.

– Ну уж нет! Теперь «если что» не будет! Я это точно знаю! Все ведь меняется, неужели ты не чувствуешь?

Демонстративно понюхав воздух, я ответил:

– Вроде ничем не пахнет...

Не обратив на мое ерничанье никакого внимания, собеседник продолжил:

– Ничего, почувствуешь еще! А вообще, конечно, странно: кто бы мне в Особлаге сказал, что начнутся такие перемены, и я буду говорить с пришельцем из будущего... Это ведь фантастика!

– А то, что бывший зэк станет главным идеологом – это не фантастика? Вот то-то! – После чего, окинув гордо-шутливым взглядом Стаса, добавил с грузинским акцентом: – Так випием же за кибернетика!

– Что?

– А, – я махнул рукой, – не обращай внимания. Это из одной старой комедии, которую еще не сняли.

– Да, кстати, про комедии, трагедии и все такое прочее. До тебя, конечно, это доведет товарищ Колычев, но сразу предупреждаю – готовься. Я все знаю насчет песен и теперь заранее говорю: относительно кинофильмов будет то же самое. Только не надо делать такие испуганные глаза – тебя к киноаппарату никто ставить не собирается. Просто будешь надиктовывать сюжеты. Все, какие вспомнишь. И это относится не только к кинематографу, но и ко всей сфере искусства. Как советской, так и иностранной. Да и у технарей, насколько мне известно, к тебе множество вопросов опять накопилось...

Вот зараза, как знал, что просто так с меня не слезут. Только увидел эту хитрую, очкастую морду, так и понял – приехали. Этот – не отвяжется, пока своего не добьется! Интересно только, что за вопросы ко мне со стороны ученых появились, я ведь вроде все рассказал, о чем знал и не знал? Хотя Гусев как-то говорил, что даже во время глубокого гипноза многое можно пропустить просто потому, что оператор не знает, какие именно вопросы задавать. А пациент может о чем-то и не вспомнить, считая это само собой разумеющимся. Вон, как с шариковой авторучкой вышло...

Я про нее уже после всех гипнотизеров просто в разговоре вспомнил. Хорошо, Колычев обратил внимание на мои слова. Оказывается, патенты на эти шариковые ручки уже повсюду выдавались, но сами ручки были полным отстоем. Паста в них либо засыхала, либо вытекала, пачкая одежду. И над их усовершенствованием трудились лишь отдельные энтузиасты. А когда я сказал, что именно шариковая ручка является основным пишущим инструментом моего времени, то за ее доводку посадили целую лабораторию. И результат не заставил себя долго ждать – буквально через три месяца появилась не мажущая и не засыхающая паста. СССР получил на это изобретение новый патент, и теперь шариковые ручки активно используют авиационные штурманы и крупные партаппаратчики. Правда, этих суперпопулярных новинок еще мало, но, по слухам, строится целый завод с закупленными за валюту станками, так что в ближайшем будущем Союз их и на экспорт поставлять начнет. Да еще и с разноцветными пастами! На этой ниве даже советские частники стали рубить свою денюгу малую. То есть совсем не малую, но вот как завод построят, так и цену можно будет сразу снижать, а частникам скорее всего останется ниша по изготовлению особо эксклюзивных или подарочных авторучек.

М-да... и, исходя из этого, гадать, что именно от меня понадобилось технарям, можно до морковкиного заговенья. Поэтому, с трудом удерживая зевок, я сказал Тверитину:

– Вот когда командование прикажет, тогда и начнешь меня третировать. А пока у нас своих дел по горло. Война-то еще идет...

– Той войны – на месяц осталось, а сейчас вся страна уже повсюду переходит на мирные рельсы. Поэтому я и говорю – готовься.

– Ладно, – все-таки не удержав зевок, я передернулся всем телом, – пойду готовиться. Спать осталось всего ничего, а завтра, я так думаю, еще тот денек будет!

И, пожав руку красноглазому от недосыпа Стасу, пошел к дежурному требовать машину.

Глава 2

– А теперь главный приз – а-а-автомобиль!

Нет, разумеется, вслух никто ничего подобного не говорил, только у меня в ушах почему-то звучали именно эти слова. Причем сказанные голосом Якубовича с соответствующими зазывно-истерическими интонациями. А все потому, что перед нами на плацу стояли пять поблескивающих светло-серой краской «Побед». Самых настоящих, которые я видел еще в раннем детстве. Только здесь это были не побитые временем и дорогами рыдваны, а новенькие, еще пахнущие свежей краской машины.

Колычев гордо, как будто он сам приложил руку к их изобретению и выпуску, посмотрел на наш строй и, царственным жестом протянув руку, предложил:

– Ну что, товарищи, можно приступить к осмотру! Разойдись!

И мы разошлись... Ух как разошлись! Сгрудившись возле ближней машины, бойцы спецгруппы моментально открыли все, что открывается, и только что не начали отвинчивать все, что отвинчивается. Стоящее неподалеку и с улыбкой глядящее на нас начальство на своем месте оставалось буквально несколько минут, и вскоре потерявший всякую генеральскую выдержку Гусев уже торчал из-под поднятого капота и возбужденно говорил подошедшему наркому НКВД:

– Иван Петрович, вы только посмотрите! Какая компоновка! А двигатель?! Не четырех-, как на основном выпуске, а шестицилиндровый, и, как мне сказали, форсированный, аж на девяносто лошадок! А стеклоочистители? Смотрите, смотрите они ведь не механические, не пневматические, а электрические! – В этот момент замигал правый поворотник, и восторженно подпрыгивающий командир обратил на него внимание: – О! И указатель поворота – электрический!..

В общем, Серега тараторил без передышки. Я тоже внес свою лепту и, выныривая из-под заднего крыла, добавил:

– У нее еще и кузов несущий!

Ползающий рядом Гек в этот же момент завопил:

– Козырев, собака злая, прекрати крутить руль, ты мне чуть голову не прищемил!

Только Змей на его крик внимания не обратил и продолжал активно вертеть баранку, имея при этом вид пятилетнего пацана, которому подарили давно вожеленный велосипед. Искалиев, сидящий рядом с Женькой, выглядел не менее восторженным. Расположившись на переднем диване, он периодически дергал и нажимал рычаги и кнопки на приборной панели, искренне радуясь, когда после очередного нажатия происходило какое-то действие. Особенно его умилил потолочный плафон, выключателем которого Даурен щелкал с искренним наслаждением.

Глядя на это, я заметил:

– Слушай, Марат, а тебе не кажется, что если Змею вместо автомобиля отдать только баранку, Жану – потолочную лампочку, а Геку – передний амортизатор, их счастье ничуть не уменьшится?

Собеседник кивнул:

– Еще как кажется. Да у них с позавчерашнего дня, когда в Кремле награды получали, этого самого счастья – полные штаны. До сих пор не очухались от эйфории.

Я хмыкнул:

– А сам?

Шарафутдинов непроизвольно покосился на новенький орден Ленина, весьма органично вписавшийся в его «иконостас», и ухмыльнулся в ответ:

– Я-то ладно, а вот ты что теперь делать станешь? Дважды Герою положен бронзовый бюст на родине. А ты даже имени своего настоящего не помнишь, что уж говорить про место рождения... Где бюст теперь ставить будут?

В этот момент к нам неслышно подошел Гусев, оторвавшийся наконец от созерцания «ГАЗовского» шедевра, и спросил:

– Чего это вы тут шепчетесь?

– Да вот, Шах интересуется куда бы мой бюст, – я изобразил руками арбузные груди, – приспособить? Лично я думаю – пусть возле нынешнего дома ставят. Во всяком случае, если увижу, что мой благородный профиль слишком сильно засижен голубями, всегда смогу протереть!

Но Колычев, который услышал мою реплику, обломил:

– Никаких голубей. Он будет стоять в УСИ. Нам лишняя популярность не нужна, а там ты его всегда сможешь начистить до блеска. Я даже специальную бархотку для такого дела выделю!

Шмыгнув носом, с деланной обидой я ответил:

– Вот всегда так! Как другим, так памятник на родине, а как мне, так бархотку. И вообще – если я в УСИ буду стоять, то там меня дневальный каждый день полировать будет! Лично за этим прослежу!

Сергеа хохотнул:

– Ага, и так до тех пор, пока у тебя морда, как на старых монетах, не сотрется вконец!

– Это в тебе зависть говорит – у тебя только одна Звезда, а у меня уже две! И вообще, товарищ генерал-полковник, я хотел бы очередной раз обратить ваше внимание на недостойное поведение товарища генерал-майора! – Колычев вопросительно приподнял бровь, а я, обличаяще выставив палец в сторону подхихикивающего Гусева, доложил: – Когда мы уходили на последнее задание, командир особой группы Ставки собрал у нас документы, награды и личные вещи. А когда вернулись, то сказал, что ничего не брал и вообще нас первый раз в жизни видит! Ладно бы он один раз такое сотворил, но подобное практически постоянно происходит! И если документы с орденами Гусев со скрипом еще возвращает, то личные вещи – никогда! Согласитесь, это ведь не дело?

От такого поворота рассмеялся даже обычно невозмутимый Марат, а Иван Петрович, вздохнув, проговорил:

– Ну Лисов! Вот как ляпнет – хоть стой, хоть падай! Хотя, честно говоря, я твои перлы в блокнотик записываю. Вот выйду на пенсию – издам книгу анекдотов. Только ты за языком все-таки следи.

– А что такое?

– Что такое? – Тут Колычев закипел с полоборота и приказал: – А ну, за мной! – И направился в сторону небольшой трибуны, стоящей в отдалении. Дойдя до нее, он продолжил свой наезд: – Да у меня рапортами на тебя уже шесть папок заполнено! Такое впечатление, что интуиция тебе не только полностью заменила мозг, но и начала давать сильные сбои! Ты хоть иногда думай, когда, что и кому говорить! И вообще – хочу задать тебе вопрос: для тебя в этой жизни хоть что-нибудь святое осталось?

– Иван Петрович, да что случилось? Что я опять такое страшное сказал? А главное – кому?

– Не «Иван Петрович», а товарищ генерал-полковник!

– Виноват!

Вытянувшись по стойке смирно, я задрал подбородок и решил молчать, пока командир не выговорится. А Колычев, неожиданно успокоившись, как-то грустно сказал:

– Я понимаю, почему ты такой циник, но неужели ты не понял до сих пор, как люди относятся к Владимиру Ильичу Ленину?

М-да, вопросец... Но вот к мумифицированному жителю мавзолея народ действительно относится с огромным пиететом. Я, когда с этим столкнулся, очень удивился, что «старика Крупского»² боготворят не меньше, а может даже и больше, чем самого Сталина. Для меня он – ну мумия мумией, а вот для подавляющего большинства других... И если даже про Виссарионыча ходили, пусть и рассказывающиеся с большой оглядкой, анекдоты, то про Ленина их не было. Наверное... Во всяком случае – я пока не слышал ни одного. И как-то за три года пребывания здесь вообще счастливо избегал этой темы, никак не затрагивая язвительными словами личность основоположника.

Только сейчас я, кажется, начинаю понимать гнев начальства. Вот надо же было такому случиться, что буквально на днях рассказал Гусеву творчески переработанную лубочную байку из жизни сушеного вождя. Я ее еще в начальных классах читал, но в дополненном виде она мне понравилась гораздо больше... Да еще и вышло так удачно – Серега как раз вспоминал о сравнительно недавнем визите начпо 23-й армии Голованова, который Ленина видел живьем и до сих пор, по прошествии стольких лет, страшно гордился самим фактом этой встречи. И не просто гордился, а при каждом удобном случае не упускал возможности оповестить окружающих об этом эпизоде своей биографии. Даже мне, помнится, удалось послушать из уст начальника политотдела песнь о «самом человечном человеке». Тогда я сдержался, а когда Серега напомнил о Голованове, эта байка выскочила из меня сама собой: мол, сидя в Петропавловской крепости, незабвенный Ильич из хлебного мякиша сделал чернильницу, из молока чернила, а из соседа по камере – Надежду Константиновну Крупскую...

Гусев от такого пассажа на несколько секунд остолбенел, а потом начал вопить, словно заводской гудок. Но так как ругаться приходилось шепотом, то, видимо, оральное воздействие посчитал недостаточным и при первом же удобном случае стукнул Колычеву. Поэтому теперь, отвечая на вопрос Ивана Петровича, я возмущенно сказал:

– Как относятся – знаю. Не надо держать меня за идиота. И свои слова я тщательно фильтрую. Во всяком случае – гарантию даю, что в доносах на меня нет ни одного реального факта, а интонации к делу не пришьешь! Но даже если и высказывал какие-то мысли, показавшиеся доносчикам крамольными, то опять-таки эти мысли ни в коем случае не шли вразрез с новой политикой партии. При других раскладах я бы узнал о ваших папках не сейчас, а гораздо раньше. А с Гусевым я еще поговорю! Мало – сам голосил как припадочный, так еще заложил лучшего друга и глазом не моргнул! У, кровавая гэбня, пицотмиллионов лично замученных...

Последние слова я пробурчал совсем уже под нос, но нарком услышал:

– Чего? Какие пятьсот миллионов? Ты о чем?

– Да так, присказка будущих демократов... А вообще, Иван Петрович, я ведь все понимаю и палку стараюсь никогда не перегибать. Понимаю даже, почему Серега вам передал мои слова. Мне ведь в ближайшем будущем придется плотно контактировать с Тверитиным и его командой. А так как все что связано с идеологией по умолчанию – сильно мутное дело, то Гусев за меня испугался и решил с вашей помощью сделать необходимую накачку. Чтобы я не особо зарывался. Поэтому сейчас официально хочу сказать: товарищ генерал-полковник, никаких «левых» мыслей пропагандисты и вообще посторонние люди от меня не услышат. И я сделаю все, чтобы в ваши папки не попали дополнительные стукаческие бумаги!

Видимо, я был прав в своих предположениях, так как взгляд у Колычева изменился, и он уже не грозно, а насмешливо проговорил:

– Зарекалась лиса кур воровать... Но ты, действительно, будь крайне осторожен. Мало ли что и как повернется. Поэтому постарайся, чтобы при работе с новыми людьми к тебе не было никаких нареканий.

– Постараюсь, товарищ генерал-полковник!

² Старик Крупский (анекд.) – В. И. Ленин.

– Ладно, ладно, хватит тянуться, – нарком улыбнулся и кивнул в сторону машин, – ну как тебе «ценные подарки»?

– Отличные машины! Только я свою до ума еще доводить буду.

– Ну это понятно. Хотя... а что именно сделать хочешь?

Я глянул на серенький автомобиль и твердо сказал:

– Внутри еще не лазил, поэтому сказать тяжело, но вот относительно внешнего вида...

В первую очередь – покрашу в яркий цвет. Скорее всего, в красный. А то у нас все машины черного, белого и зеленого цвета. Или как вот эта – блеклого. Скучно... А потом, может быть, даже крышу спилю и получится кабриолет! Это будет круто – ярко-красный кабриолет!

Иван Петрович удивился:

– А не слишком ли? В смысле – не слишком ярко для машины?

– Так в этом вся фишка! Да и по яркости, честно говоря, глаз стосковался. В армии все или зеленое или пятнистое. На гражданке почти так же. Начиная одеждой и заканчивая техникой. А тут – войне конец, все радуются, и моя бибика как дополнение салюта! Просто камуфляж и темные тона вот тут уже сидят, – я провел рукой по горлу, – и, думаю, что не только у меня. На улице же единственное яркое пятно – это трамвай. Вот и хочу внести новую струю.

– Хм, возможно, ты и прав...

Колычев задумался, а я, глядя на него, прикинул, что, вполне может быть, мои слова теперь будут обсуждать на самом верху, и, возможно, недолго моя яркая машина будет оставаться редким зрелищем на улицах Москвы. Если, конечно, не начнут экономить на красках... Ну да там видно будет, а сейчас, кивнув в сторону шеренги автомобилей, я подмигнул собеседнику:

– Что, Иван Петрович, может прокатимся? По Москве да с ветерком?

Тот в ответ покачал головой:

– Нет, это без меня. Дел много, так что как-нибудь потом покатаешь. Мы с Гусевым сейчас уезжаем, а вы – развлекайтесь. Но учти – ты у меня должен быть к шестнадцати ноль-ноль.

– Есть к шестнадцати ноль-ноль!

Я козырнул и пошел к ребятам, а минут через десять мы, разместившись в двух машинах, уже летели в сторону Красной площади. Ну летели – это сильно сказано, но до сотни свой пепелац я разогнал влегкую. Правда, Гек, сидевший за рулем второй тачки, начал отставать, поэтому я сбросил скорость до семидесяти и принялся просто глазеть по сторонам, краем уха слушая болтовню Марата с Жаном и вспоминая те события, что произошли с нами за последние дни. А этих событий хватало...

* * *

Началось с того, что, когда мы прилетели в столицу, неожиданно встал вопрос о размещении. То есть в гостинице нам забронировали номера, только эту самую гостиницу мы с Геком отвергли в два голоса. Он зазывал к себе в гости, а я к себе. В конце концов мы разделились, и к Лехе поехали Искалиев с Козыревым, а ко мне Шарафутдинов с Гусевым. Пучкову было проще – у него были весьма хозяйственные сестры, а вот у меня... Из всех спальных мест у меня была казенная кровать и не менее казенный диван, на котором мог поместиться только невысокий Марат. Когда Серега понял, что спать ему, скорее всего, придется на полу, он начал стонать и ругаться. Но управдомша, у которой я хранил ключи, во-первых, растаяла от встречи со мной, а во-вторых, увидев настоящего генерал-майора, который пыхтел от возмущения из-за бытовых неурядиц, развила бурную деятельность. В общем, уже через пять минут нам была предоставлена никелированная кровать с шариками и комплекты постельного белья. Я расцеповал тетю Надю, а про себя подумал, что как ни крути, но мебелью, наверное, пора обзаво-

диться, а то и друзей разместить негде будет. Не побираться же постоянно? Да и с белишском тоже что-то решать надо...

Тут мои мысли были прерваны громкими криками, и не успел я толком обернуться, как на меня налетел Игорь Селиванов. Он как раз на обед домой пришел, а тут глядит – дверь к соседу открыта и там какая-то сутолока. А среди толпящихся военных стоит Лисов собственной персоной! В общем, пока мужики таскали по комнатам кровать, Игореха, который уже избавился от костыля и завел себе протез вкупе со стильной тросточкой, вываливал на меня последние новости, главной из которых было то, что он женился! Потом он представил нам вышедшую на гам жену – высокую симпатичную девчонку, которая смущенно пожала всем руки и тут же пригласила пообедать с ними. Но у нас были свои планы, поэтому, договорившись встретиться вечером, мы на время распрощались. Только перед самым уходом Селиванов поймал меня возле двери и тихо сказал:

– Илья, ты там в прошлый раз у меня деньги забыл. Я понимаю, зачем ты это сделал. И хочу сказать спасибо – они меня тогда здорово выручили. Но теперь я совсем не студент, зарабатываю нормально, так что не вздумай отказываться взять деньги обратно!

– Не вопрос! – Я хлопнул Игореху по плечу и, подмигнув, продолжил: – Ты теперь инженер, да и вообще – неплохо устроился. Поэтому отказываться не буду. Но учти, с меня еще подарок на свадьбу! Его-то примешь?

Селиванов рассмеялся.

– Приму!

– Ну тогда – до вечера!

И, распрощавшись со старинным знакомцем, мы двинули к автобусной остановке.

А потом, уже на Красной площади, встретились с остальными ребятами. Глядя, как Змей вьется вокруг Ирины Пучковой, я только хмыкнул и, пихнув в бок Серегу, показал глазами на ставшего вдруг очень неуклюжим лейтенанта. Гусев, пожав плечами в ответ, выдал:

– А чего ты удивляешься? Они ведь почти год переписываются, как из пулемета. Козырев в Москву штук десять своих фото за это время отослал. И получил не меньше...

– Получил всего два, но, судя по всему, сейчас это роли не играет. Нет, ты смотри, смотри, как он ручку-то выгнул! И походка – будто лом проглотил! А морда какая!

– Не ори так, а то засмущаешь...

И командир, привлекая внимание, шагов с двадцати начал махать рукой. Но ребята заметили нас раньше и теперь, сойдясь плотной группкой, все незнакомые начали знакомиться. В смысле Серега и Марат были представлены Лешкиным сестренкам. И если Иришка чинно пожимала им руки и говорила все положенные слова, то Ольга, тут же начала восторженно ахать и кружить вокруг нас маленькой, шустрой рыбешкой. В конце концов, не выдержав, она обратилась ко мне и Гусеву с просьбой посмотреть награды. Как выяснилось, ее внимание привлекли моя Звезда Героя и Серегины ордена Суворова и Кутузова. Мы, смеясь, разрешили ребенку полюбопытствовать, и Ольга, тут же взвесив в руке Золотую Звезду, констатировала – «тяжеленькая» – и, погладив ее пальцами, переключилась на Серегу.

Ну оно и понятно – в Москве Героев хватает, и мелкая их созерцала неоднократно, так что теперь просто получила возможность пощупать медаль, а вот стилизованная звезда ордена Суворова, да еще и первой степени, это действительно редкость. Я в свое время сам обалдел, когда Гусеву такой орден обломился. У него ведь статут – закачаешься. Но на мои ехидные подначки насчет того, какую именно операцию фронтового масштаба разработал командир, он так и не ответил. Вместо этого только таинственно улыбался и намекал, что в штаб он, в отличие от некоторых, работать ездил, а не водку пьянствовать. Поэтому сейчас Гусев является кавалером одной из самых эксклюзивных советских наград. Причем настолько эксклюзивных, что привлекает внимание даже маленьких девочек...

А Ольга тем временем, осторожно поковыряв ногтем платиновый профиль на рельефном фоне, вынесла вердикт:

– Все мальчишки теперь от зависти помрут! Ванька Лизачев хвастался, что он видел генерала с таким орденом. Но там был второй степени, а у вас первой! И он только видел, а я еще и трогала! – И тут же без перехода добавила: – Дядя Сережа, а вы к нам в гости не хотите зайти? В смысле сначала в гости, а потом просто во двор выйти? Я вам голубятню покажу...

Тут Ирка сердито дернула младшую за косичку и сказала:

– Как не стыдно! Скоро четырнадцать лет, а ведешь себя как ребенок! Делать больше товарищам командирам нечего, только твою голубятню разглядывать! Мало того что все утро перед мальчишками, братом и его друзьями хвасталась, так теперь что, продолжить хочешь?

Но Ольга на это никак не отреагировала, лишь раздраженно повела плечом, продолжая вопросительно смотреть на генерал-майора. И Серега не обманул ее ожидания:

– Обязательно приду. Все придем. Причем прямо сегодня. Вот погуляем и сразу к вам – голубятню смотреть. Я ведь сам – голубятник! Ты знаешь, какие у меня в детстве голуби были? У-у-у! И турманы, и нежинские, и агараны.

– А бородуны были?

– Конечно! У меня даже гривун был и гамбургский шиммель!

– Ух ты! А у нас еще есть чубатый и московский монах. Его Игнатка на мурого выменял. Хотели еще тучереза, но для меня больше ничего не подошло...

Слушая этот разговор, я несколько подвис. Блин, и говорят вроде по-русски, только вот непонятно о чем! То есть понятно, что про голубей, но про каких? Я все время считал, что голубь он и в Африке голубь – сизый, он же помоечный. Ну, может, еще пару видел, с перьями на лапках, и все. Да и перья эти считал просто мутацией из-за плохой экологии. А вот оказывается, что я полный лох в данном вопросе, и на самом деле разновидностей этих птиц – миллион. Обиднее всего то, что все окружающие разговор вполне понимают. Кивают согласно и завистливо шуряются. Вон, Даурен даже рот открыл, желая вставить слово, но трескотня мелкой не дает ему этого сделать.

И когда старший брат наконец оттянул разошедшуюся Ольгу от собрата по духу, и мы пошли гулять, я тихо спросил у Гусева:

– Не понял, ты что голубей разводил? И что с ними потом делали – ели?

Командир вначале поперхнулся от моего предположения, но, быстро взяв себя в руки, тихо ответил:

– С ума сошел – «ели»? Это увлечение такое. Хобби. Кстати – очень серьезное. Страсти среди голубятников до того доходили, что за украденного голубя вполне могли даже убить.

– Дети – убить?!

– При чем тут дети, – Серега махнул рукой, – этим ведь не только дети занимаются. Голубей держат и вполне взрослые люди, которые занимаются их обменом или продажей. И деньги в этой сфере крутятся просто сумасшедшие! Не знаю, как сейчас, просто не задавался этим вопросом, но вот в двадцатых, когда голод был, я одного очень редкого голубя поменял на два мешка картошки. Ни за какие деньги такой обмен бы не получился, а вот на голубей – пожалуйста. За счет чего семья и выжила. Только двух младших братьев сохранить не смогли...

Я смущенно вздохнул:

– Извини, командир, что напомнил... Просто никогда не предполагал, что вокруг этих птиц столько ажиотажа было.

– Почему – «было»? Он до сих пор есть, так же как и фанатики этого дела. А вообще, Илья, с тобой, похоже, пора ликбез проводить. Ты ведь кроме войны, считай, ничего и не видел, а гражданская жизнь, в которой ты ни уха ни рыла, вот-вот начнется.

Ухмыльнувшись, я ответил:

– Проведешь, куда ты денешься...

Сказав это, я вдруг неожиданно сбился с мысли, так как увидел шедшего навстречу паренька, который с довольной физиономией облизывал какую-то белую шайбу, зажатую между большим и указательным пальцем. Вид шайбы поверг меня в смутное беспокойство. С чем-то она у меня ассоциировалась, да и сам способ ее поедания показался очень знакомым. Точно так же мы в детстве глотали мороженое из подтаявшего стаканчика – держа руку на отлете и изгибаясь всем телом, чтобы не обляпаться. А где я ее мог раньше видеть? М-м-м... вот! В фильме «Место встречи изменить нельзя» тот оперативник, которого почти сразу убили заточкой, ел точно такой же кругляш! Еще пару секунд я наблюдал за пацаном, который, увидев наши регалии, остановился и вытаращился на подходившую компанию. И когда мы подошли к нему ближе, я, убедившись в своих предположениях, завопил:

– Епрст! И вправду мороженое! Эй, малый, ты где его добыл? Да, да, вот это круглое в бумажке, где продается?

Мальчишка заулыбался и показал на очередь, голова которой упиралась в еле видную из-за кустов тетку с большущим ящиком на колесиках. Я не то чтобы фанат мороженого, но сей продукт не пробовал уже больше трех лет, и поэтому, разглядев на теткинском ящике нарисованного белого медведя с довольной мордой, громко скомандовал идущему впереди Пучкову:

– Леха, левое плечо вперед, направление на мороженщицу, шагом марш!

Гек, как будто давно ждал моей команды, и поэтому, даже не сбившись с шага, четко повернул, и встал в хвост очереди сразу следом за каким-то капитаном-танкистом. Кэп при виде нас подтянулся, козырнул и, заметив наши погоны, вежливо предложил встать впереди него. Мы не менее вежливо отказались, но люди в очереди, услышав наш разговор и разглядев мою Звезду, подняли гам и таки заставили нас пройти вперед к улыбающейся женщине, которая сначала с нами поздоровалась, а потом, следуя указаниям, начала оделять всех вожделенными «шайбами». Стаканчиками тут и не пахло, поэтому она ловко орудовала каким-то поршнем. С интересом посмотрев, как это делается (а все было достаточно хитро: сначала в поршень закладывалась бумажка, потом вафля, потом мороженое, и снова вафля с бумажкой), я от жадности взял сразу три порции. Правда, немного не рассчитал скорость таяния, и поэтому, как ни изгибался, последний подтаявший кругляш все-таки накапал мне на сапоги, что меня, впрочем, ничуть не расстроило. То ли из-за долгого воздержания, то ли из-за рецепта, но мороженое показалось обалденно вкусным и, шагая дальше, я все оглядывался в поисках следующей продавщицы сладкого продукта. Но такой, к сожалению, больше не попалось, и в конце концов мы догуляли до Лешкиного дома.

Так как по пути заходили в ресторан при гостинице, то жрать не хотелось и, попив чаю в гостях у сестренки, мы вывалили всей толпой на осмотр голубятни. Ну это так предполагалось. На самом деле, едва выйдя во двор, наша компания попала в руки пятерым пацанам под предводительством Ольги, которые сначала сильно смущались, но потом разошлись и просто засыпали нас вопросами. Чуть позже их почему-то стало гораздо больше: уже человек десять. Я даже предположил возможное размножение почкованием, пока не заметил, как через отодвинутую доску в заборе к толпе присоединилось еще трое щеглов. А потом еще и еще...

В конце концов, оставив наших ребят разбираться с поклонниками, мы с Серегой и Маратом, поймали такси и поехали в магазин за подарком для молодоженов Селивановых. Какой ассортимент был в обычных магазинах я уже знал, поэтому приказал водиле ехать к появившейся благодаря начавшимся реформам новинке – комиссионному магазину. В Центральный коммерческий мы уже заходили: затарились по космическим ценам продуктами, которые там продавали без карточек, а теперь нужен был сам подарок как таковой. И в комиссионке наткнулись на то, что нужно: ножную швейную машинку «Подолка». Решив, что это самое то, купили данное чудо советской промышленности и тут же столкнулись с проблемой: а как ее, собственно говоря, тащить до места? В такси она просто не поместится, а до багажника на крыше еще никто, видимо, не додумался...

Пока Гусев растерянно курил, я, прикинув расклады, вернулся в магазин и поинтересовался насчет средств доставки. Там на меня посмотрели как на идиота и только что не рассмеялись в лицо. Но форма и ордена подействовали, поэтому все-таки не рассмеялись и даже по моему требованию вызвали завмага. При виде небольшого человечка с характерным носом я сразу взял быка за рога и, поздоровавшись, выдвинул предложение:

– Послушайте, товарищ... Иосиф Яковлевич? Очень приятно! Я вам хочу подкинуть одну идею. Ни к чему вас не обязывающую, но способную принести неплохую прибыль.

Завмаг ухмыльнулся и про себя, видимо, подумал: вот ведь нахальный русский, вздумал учить еврея делать дела. Впрочем, на его физиономии это практически не отразилось, и сын Якова лишь нейтрально произнес:

– Я вас слушаю.

– В вашем магазине есть разные товары. В том числе и крупногабаритные. Человек, купив их, вынужден вызывать грузовое такси, и его оплата уже идет мимо кассы. А оно вам надо? Тем более что грузовых такси практически не осталось – все грузовики ушли на фронт. А отсутствие средств доставки является сильным сдерживающим фактором при покупке. И поэтому вот мой совет: заведите на свою сеть магазинов хотя бы одну полуторку. Во-первых, люди будут знать, что все делается централизованно, и нет нужды бегать по улицам в поисках машины. Во-вторых, будет проявлена явная забота о покупателях, а в-третьих, это все попадает под новую программу реформирования. Помните, как говорил товарищ Сталин: «Люди должны как можно скорее почувствовать начавшиеся изменения». И если вы выступите с таким предложением, я уверен, что вас обязательно поддержат в тресте. И более того: перед человеком, который на деле проводит новую политику партии и всячески претворяет ее в жизнь, откроются блестящие перспективы.

Завмаг от такого поворота поперхнулся и спросил:

– Молодой человек, а вас случайно не Остап зовут?

М-да, как он меня... Вот буквально парой слов показал свое отношение к приткному покупателю. Чувствуя, что как с речью, так и с машиной я явно пролетел, я пожал плечами и ответил:

– Нет, меня зовут Илья Иванович. А услуга, о которой я вам сейчас рассказал, очень скоро распространится повсеместно. В этом можете быть уверены. Но первым будете уже не вы... Счастливо оставаться!

Козырнув и уже повернувшись к выходу, я услышал:

– Подождите.

Подняв бровь, я остановился и посмотрел на завмага, на лице которого читались признаки внутренней борьбы. Впрочем, он довольно быстро с собой справился и сказал:

– Вы знаете, Илья Иванович, то, что вы сказали, для меня совсем не ново. То есть не ново для человека моего возраста, который еще нэп застал. Но вот у вас откуда такие запросы? По моему мнению, подобные претензии могут появиться у покупателя не раньше, чем лет через пять-десять, когда кооператоры и частные предприниматели развернутся полностью. А сейчас это даже странно слышать...

– Что именно – «странно»? То, что я хочу в магазин зайти как покупатель, а не как проситель? Нет тут ничего странного. Просто за свои деньги я рассчитываю получить нормальное обслуживание.

Барышня за прилавком еле слышно фыркнула:

– Ишь, барин какой выискался! А еще – Герой Советского Союза!

Но Иосиф Яковлевич только шикнул:

– Зинаида! – И, повернувшись ко мне, продолжил: – Не обращайтесь на нее внимания: новенькая, до конца еще не поняла специфику работы на частника. Но ничего – даст бог, поймет. М-да... Так вот я думаю, что, если линия партии не изменится и фининспекция не будет

перегибать палку, то достаточно скоро ваши требования станут нормой. А пока мы только начинаем... – Тут заведующий подмигнул. – Но про машину я уже думал и даже выносил предложение о ее покупке на собрании нашего кооператива.

– Во! Только сразу подумайте и насчет пары-тройки грузчиков, чтобы покупатели не на себе шкафы волокли. И оплату тем же грузчикам – сдельную, поэтажную...

После этих слов, видя понимающую улыбку Иосифа Яковлевича, я замолк, поняв, что он все эти нюансы знает дольше, чем я живу, и уже хотел распрощаться, но душевный торгаш остановил меня в очередной раз:

– Товарищ полковник, не спешите. Вы знаете, разговор с вами напомнил мне молодые годы... Это, скажу честно, приятное воспоминание... И, хоть у нас нет пока транспорта, я постараюсь вам помочь. Если вы подождете буквально десять минут, то я попробую договориться насчет грузовика со своим знакомым.

– Конечно, подожду!

После этого мы вместе с заведующим вышли из магазина. Он потопал куда-то в сторону, а я остался курить на крыльце, подозревая стоящих возле такси ребят. Пока я объяснял им ситуацию, возжеленная машина действительно нашлась. Причем прямо под боком, в соседнем магазине. Серега с Маратом только удивленно крикнули, когда увидели, что нас зовут во двор к грузовику, а Яковлевич уже на прощание поинтересовался:

– Илья Иванович, позвольте полюбопытствовать – а у вас мама не еврейка?

Я, пожав плечами, ухмыльнулся:

– Как-то не сложилось...

– Жаль... а очень, очень похоже...

– Внешне?

– Нет, хваткой и умением нравиться людям...

Гусев, который слышал последние слова, всю дорогу меня прикалывал, рассуждая о скрытых иудейских корнях в моей биографии. Веселился паразит такой на полную катушку! А когда мы уже выходили из такси, в котором ехали следом за полуторкой, подытожил:

– В следующий раз, чтобы тебе ненароком обрезание не сделали, машину возьмем в управлении.

– В какой еще «следующий раз»?

– Обыкновенный. Я, например, вовсе не собираюсь постоянно спать в одолженной кровати и приказываю, чтобы, когда ты меня опять пригласишь в гости, в квартире была нормальная обстановка! Хотя... мне кажется, очень скоро твое жилище полностью преобразится, хочешь ты этого или нет!

Я подозрительно покосился на командира:

– С чего бы вдруг?

Но Серега вместо ответа пихнул меня в бок и, показывая глазами на Шарафутдинова, который уже стоял в кузове, скомандовал:

– Чего рот открыл, помогай!

– Ты не пихайся, а тоже помогай – я ее один не удержу!

– Я продукты отнесу!

– Отнесешь, но сейчас оставь их в покое и держи этого монстра.

Гусев ругнулся и, свалив бумажные, перетянутые шпагатом пакеты на сиденье такси, решил-таки испачкать генеральские ручки. Выгрузив машинку и расплатившись с водителями, мы поволокли приобретение к Селивановым. А потом был гудеж...

Глава 3

Наутро, часов в восемь, начал трезвонить телефон. Я, закрыв голову подушкой, не шевелился, теща себя надеждой, что кто-нибудь из мужиков возьмет трубку. Ждал долго, а звонок тем временем продолжал разрывать мозг напрочь. В конце концов до меня дошло, что полутрупы в соседних комнатах вполне справедливо рассудили так: хозяева вовсе не они, и поэтому ни в жизнь не встанут, чтобы заткнуть черную орущую коробку. Пришлось подниматься и брести в коридор. Там, сняв трубку и даже не задумываясь о последствиях (ведь этот номер знало очень немногих людей), рявкнул в нее:

– Какого х...?!!

На том конце пару секунд молчали, а потом вежливым тоном поинтересовались:

– Это квартира товарища Лисова?

– Ну Лисова. Слушаю...

Получив подтверждение, голос повеселел:

– Это я, инженер-майор Рябушкин, из ГАУ.

Рябушкин, Рябушкин... О, вспомнил! Мы с ним познакомились еще в Туле, куда я мотался по поводу гранатометов, а потом и ППС. Познакомились и даже сдружились. И в прошлом году тоже пару раз в столице пересекались. Только он тогда капитаном был... На всякий случай уточнил:

– Никита, ты что ли?

– Так точно!

– Во блин... – Осторожно пощупав голову, я продолжил: – Приветствую, дружище! А чего в такую рань звонишь?

– К-хм?

Еще раз глянув на часы, я смущенно ругнулся:

– Блин... вопрос насчет времени снимается. Но насчет звонка – остается. И откуда ты вообще знаешь, что я в Москве?

– Мне об этом Станислав Игоревич вчера сказал. Тверитин. Он же и номер телефона дал. Но вчера я звонил – никто трубку не брал...

Ощущая страшный сушняк, я вхолостую почавкал, пытаюсь избавиться от гадостного вкуса во рту, но, не преуспев в этом, продолжил задавать вопросы:

– Поздно пришли, вот и не отвечали... А Тверитина-то ты откуда знаешь? Хотя отставить... Ты в городе? Если да, то давай, заруливай! Отметим встречу. Адрес помнишь? Если нет, то записывай...

Я собрался говорить адрес, но собеседник перебил:

– Встретимся, это само собой! И отметим, конечно. Только я сейчас по другому поводу звоню – хотел тебя на полигон пригласить и одну вещь показать.

– Какую?

Рябушкин рассмеялся:

– Приедешь – увидишь! Но я намекну: помнишь такого – Германа Коробова? Ну которому ты еще подарил венгерский пистолет-пулемет?

– Как же – подарил! Да он тот ствол у меня нагло выцыганил! Все четыре дня, пока я на заводе был, он за мной на коленях бегал. А мне такой ПП больше ни разу не попадался – у всех мадьяр, которые мне позже встречались, другое оружие было... Так что Коробова помню!

Никита в ответ на мой спич, вежливо хохотнув, выдал:

– Он тут интересную вещь изобрел, я думаю, тебя заинтересует. Во всяком случае мне это изобретение очень понравилось!

Я поскреб отросшую за ночь щетину и предложил:

– Давай ты мне минут через тридцать перезвонишь, а то я что-то соображаю плохо. Какая вещь, куда ее совать, и вообще...

– Может, лучше сделаем так – я за тобой машину вышлю, а пока она приедет, ты уже точно проснешься.

– Хорошо. Через сорок минут буду готов. Хотя... если я не один приеду, а со своими парнями, это ничего?

– Нормально!

– Тогда засылай своего водителя.

Только я положил трубку и собрался идти умыться, как меня поймал хмурый и заспанный Гусев, которого заинтересовала предстоящая поездка. Мол, куда, с кем и зачем? Пришлось объяснить, но не удовлетворившись этим, Серега, пока я умывался, куда-то позвонил и уточнил информацию относительно Рябушкина. После чего, позевывая и нагло вытесняя меня из ванной, информировал:

– Этот майор, пользуясь знакомством с тобой, своего друга-оружейника и его автомат хочет продемонстрировать.

– Интересно, а я тут с какого боку? Нет, полюбопытствовать, конечно, можно, но ведь не просто так он мне этот ствол показать хочет?

– А. – Гусев макнул щетку в баночку зубного порошка. – У них там свои трения и интриги. Сейчас, благодаря внедрению АК-43 верховодят ижмашевцы, а этот Коробов – из Тулы. Вот, видно, майор и решил тебя для дальнейшей косвенной поддержки задействовать. Он ведь в курсе, что ты личный порученец товарища Сталина и, даже несмотря на то, что ты не будешь входить в комиссию, твое одобрение нового автомата может сыграть свою роль в предстоящем конкурсе. Так что можешь съездить посмотреть, чего там демонстрировать будут. Тоа а э оэу.

– Чего?

Командир, вынув щетку изо рта, более членораздельно пояснил:

– Я говорю – не поеду. Это вы фанатики оружия, а мне в наркомате к тринадцати часам надо быть. Поэтому бери Марата, и дуйте вдвоем. Да, потом, на всякий случай, мне письменный отчет предоставишь. – И, понизив голос и воровато оглянувшись на открытую дверь, поинтересовался: – А ТАМ ты про Коробова³ что-нибудь слышал?

– Нет. И не слышал, и не видел, и не знал.

– Ну все равно скатайся. Вдруг действительно что-то толковое покажут, а то сейчас в ГАУ все от Калашникова в восторге и никого другого практически не замечают.

– А зачем еще кого-то замечать? АК – лучший автомат всех времен и народов, лет на пятьдесят! Но посмотреть – посмотрю... Да и самому интересно.

Гусев кивнул и начал наяривать щеткой, а я пошел будить Марата.

Через сорок минут мы уже ехали в сторону полигона НИПСМВО. Причем время использовали с толком. Сначала поговорили с Рябушкиным, который закатывал глаза и причмокивал, описывая новый ствол, а так как ехать было достаточно далеко, то после хвalebных речей майора просто начали кемарить. И поспали хорошо – почти два часа. А потом нас тормознули на КПП, где после проверки документов пустили на территорию Центрального научно-исследовательского полигона. Немного покрутившись по дорожкам, машина подъехала к бетонному сооружению, чем-то похожему на крытую автобусную остановку, возле которого уже подпрыгивал в ожидании гостей сам изобретатель.

³ Герман Коробов (1913–2006) – конструктор-оружейник тульского ЦКИБ СОО. Разработчик многих моделей оружия. В том числе один из первых автоматов компоновки «Буллпап» (ТКБ-408), ТКБ-0111 (представленный на конкурс «Абакан») и ТКБ-517, который в некоторых параметрах ТТХ превосходил даже автомат Калашникова.

Выйдя и пожав руку Герману, я показал на кобуру со своим браунингом и сразу предупредил:

– Пистолет не отдам! Как не проси! – А потом улыбнулся, демонстрируя, что вышесказанные слова были просто шуткой, и продолжил: – Ну что, хвастайся, а то мне Никита уже все уши прожужжал про твой девайс!

– Про что?

– Про автомат... Где он, посмотреть-то можно?

– Конечно. – Коробов оживился и, показывая рукой на стол, стоящий внутри «остановки», пригласил: – Пойдемте, я буду рассказывать и объяснять.

Пройдя в помещение, он подвел меня к тому, что я сначала, опешив, принял за АК-104, который хоть и видел в свое время, но только на картинках. Во всяком случае внешне автомат был очень похож на него, наверное, более коротким, чем на обычных «АК», стволом. А Герман, отдав оружие, начал объяснять:

– После того как была разработана компоновка АК-43, я понял, что с целым штатом маститых оружейников тягаться не смогу. Да и изменить ту конструкцию – значило только ее усложнить, что вызвало бы нарекания со стороны приемной комиссии ГАУ. Вот я и подумал: для обычных войск АК-43 – это самое лучшее, что может быть на сегодняшний день. Главное – он прост и надежен! Да и призывник из какой-нибудь отдаленной деревни сможет его полностью освоить буквально за несколько часов. Но ведь у нас есть не только те призывники, которые после месячного обучения в запасном полку идут на фронт. У нас есть и те, которых учат от и до. Я говорю про осназ. И этим людям будет важна не только простота, но и остальные ТТХ оружия, такие как компактность, вес и высокая кучность стрельбы. Ведь много боеприпасов они с собой брать не могут, поэтому именно вышеперечисленные характеристики, а также, разумеется, надежность, не уступающая АК 43, будут для них решающими факторами. При этом я учел, что большая прицельная дальность оружия бойцам осназа не особенно нужна. Бой они обычно ведут либо в упор, либо на дистанциях, не превышающих триста – триста пятьдесят метров. Поэтому я счел возможным укоротить ствол автомата и на прицельной рамке теперь максимальная дальность не тысяча, а пятьсот метров. Но самое основное отличие моего автомата от АК-43 – это сбалансированная безударная система автоматики. Там стоит два газовых поршня, движущиеся навстречу друг другу. Вот, смотрите...

Герман взял у меня свое изделие, шустро откинул крышку ствольной коробки и начал разбирать оружие, попутно объясняя, что к чему и зачем. М-да... устройство, конечно, несколько сложнее «калаша» и, думаю, в производстве будет дороже, но я своих мыслей не озвучивал, решив, прежде чем сразу обламывать изобретателя, испытать его детище в действии. Вообще, действительно, на первый взгляд, за счет компенсации импульса движения затворного механизма, автомат не должно подбрасывать, что сразу улучшит кучность стрельбы, но пока это все – слова. Поэтому, дождавшись, когда Коробов выговорился и, собрав автомат, протянул мне его, я взял со стола стандартный магазин и, зарядив оружие, пошел на исходную.

А еще через минуту, когда боек щелкнул вхолостую, я, почесав затылок, удивленно пожал плечами и, вогнав в приемник следующий магазин, опять открыл стрельбу. Блин! Да что же это такое! Сколько воевал, но с подобным еще не сталкивался! При нажатии на спусковой крючок, приклад автомата как будто прилипал к плечу, и оружие практически не тряслось, посылая пули, поражающие мишени одну за другой. Когда же я перестал садить пяти-шестипатронными очередями и начал делать привычную отсечку по два-три выстрела, то дела пошли еще лучше. Появилась возможность не просто поражать мишени, а поражать их в какой-то определенной части, на выбор – в голову, в грудь, в ноги...

Расстреляв три магазина, я передал автомат стоящему рядом Марату и повернулся к Герману, который, увидев мою физиономию, даже рассмеялся от удовольствия и спросил:

– Ну как впечатления?

– Если честно – потрясен. Ничего подобного еще не видел! Чтобы стоя, с руки, да такие показатели... Уж насколько я стрелять умею, но блин, как говорится – почувствовал разницу! А складной приклад с демпферными накладками!? Плечо – вообще не набил!

Коробов опять улыбнулся и ответил:

– Еще надо учесть: у моего ТКБ-705 и АК-43 некоторые детали взаимозаменяемы, что значительно облегчит работу ружмастерам в войсках. А магазины, ствольные коробки, рукоятки, накладки так вообще полностью идентичны. Разумеется, предусмотрены места креплений подствольного гранатомета и ночного прицела. Только сразу хочу сказать – отсутствует возможность установки штык-ножа. Но ведь диверсанты в штыковую не ходят, правда?

Я только успел согласиться с этим предположением, как к нам присоединился Шарафутдинов, который был ошарашен не меньше меня. Так как Шах желал поделиться своими восторгами с изобретателем, я ему мешать не стал, а взял автомат и опять вышел на рубеж стрельбы.

В конце концов, высадив с Шахом и присоединившимся к нам Рябушкиным в общей сложности чуть не цинк патронов и слегка одурев от пальбы, я, возвращая ствол оружейнику, твердо пообещал:

– Герман, если на испытаниях твое оружие по надежности будет сравнимо с автоматом Калашникова, то я сделаю все, чтобы автомат Коробова приняли на вооружение для снабжения спецчастей. И цена вопроса, в смысле стоимости изделия, тут не будет играть особого значения, так как хорошо подготовленному диверсанту и оружие необходимо соответствующее. А по моим предварительным прикидкам, оно будет соответствовать работе спецгрупп на все сто!

Судя по тому, как у собеседника загорелись глаза, именно эти слова он и мечтал услышать. А стоящий рядом и не менее счастливый Никита тут же предложил это дело отметить, совместив и встречу старых знакомых, и удачно проведенную демонстрацию. Только, посмотрев на часы, я вынужден был отказаться:

– Вы уж, товарищи, извините, но никак не получится. Нам еще возвращаться часа три, а завтра по плану – посещение Кремля, где все должны быть как огурчики.

Видя удивленные лица собеседников, пояснил:

– В Кремль – не на экскурсию, а за орденами. Нас ведь в Москву именно для этого и командировали.

– О! Тогда конечно! Поздравляю!

Мы по второму кругу пожали друг другу руки, только на этот раз поздравляли меня и Шаха, и, распрощавшись с Коробовым, опять загрузились в «эмку» и отправились в обратный путь.

В дороге обсуждали все увиденное и опробованное, а потом я поинтересовался у Рябушкина:

– Слушай, мне вот что-то интересно стало – Герман как-то невнятно сказал, а когда я у него хотел уточнить, ничего толком не ответил, что за толпа знатных оружейников АК-43 изобретала? Я думал, там только Калашников в основном отметился...

Никита сначала вскинулся, но потом pokrхтел и нехотя ответил, стараясь обтекаемыми словами снизить реальный накал внутренних разборок:

– Когда весь наркомат вооружения во главе с наркомом начинает плотно курировать и опекать какого-то одного человека, то невольно возникает сомнение в том, что они не предоставляют ему доступ к каким-то революционным решениям, которые выдают другие мастера...

М-да... правильно Гусев утром сказал: интриги вкупе с ревностью в конструкторской среде цветут и пахнут. А каждый из изобретателей пользуется малейшей возможностью, чтобы получить хоть какое-то преимущество перед конкурентом. Вон, как тот же Коробов с Рябушкиным сейчас... ТКБ-705 это, разумеется, обалденная вещь, но изобретатель вполне справед-

ливо опасается, что чиновники из ГАУ и наркомата, по непонятным причинам изначально неровно дышащие на Калашникова, изобретение Коробова вполне могут зарубить. Зарубить, невзирая на отличные ТТХ, а исходя, к примеру, из большей стоимости и трудоемкости его изготовления. Поэтому сейчас и привлекли к процессу демонстрации личного порученца товарища Сталина, рассчитывая на его огромные связи. Ну их побудительные мотивы были ясны с самого начала, только теперь меня заинтересовало другое.

– Так правильно делают, что опекают. Ведь на самом же деле АК-43 это очень хорошее изобретение! И предложил его именно Михаил.

Я отлично знал, кто на самом деле предложил сию идею, но мне было интересно, не просочились ли в оружейную тусовку слухи, что некие невнятные рисунки нового оружия, а также пояснения к ним, попали в ГАУ из НКВД? Рябушкин опять помялся и ответил:

– Калашников, конечно, парень толковый. Конструктор, что называется – от бога. Но когда тебе сам нарком во всем дает зеленый свет и твои запросы имеют высший приоритет, то и работается гораздо легче и проще. Я только удивляюсь, откуда у вчерашнего сержанта такая лапа в наркомате вооружений? Ведь не просто так ему подобные предпочтения шли? И, честно говоря, сомневаюсь я, что только Михаил стоял у истоков изобретения АК. Слишком уж все... технологично и выверено. Без специальных знаний такого не сделаешь. Поэтому лично мне кажется, что в разработке оружия принимали участие очень знающие люди. И Калашников в том числе, но сейчас его на первый план выдвинули, исходя исключительно из идеологических соображений. Да... – Собеседник pokrutil головой. – Ведь теперь в каждой газете что ни день то статья: «Советский человек с девятью классами образования изобрел самый лучший на сегодняшний день автомат!»

Хе, судя по этим словам, никаких слухов нет, и секретность у нас продолжает оставаться на высшем уровне! А насчет статей я в курсе. Это подчиненные Тверитина не покладая рук трудятся, показывая всему миру: мол, в СССР люди настолько продвинутые, что, даже не имея специального образования, с легкостью переплывают всех забугорных изобретателей. Хотя, даже если бы не было меня, Михаил Тимофеевич, который был действительно умницей, просто выдал бы свое творение на каких-то три-четыре года позже. Так что, как ни крути, а газеты практически не врут, говоря про огромное количество талантливейших людей на единицу площади в СССР.

И, кстати, самому Калашникову, который совсем недавно действительно скакнул из сержантов в лейтенанты, да еще и получил Сталинскую премию, наброски чертежей его же автомата в свое время выдали под роспись люди из госбезопасности. Особо не объясняя, где их добыли. И теперь Миша может только гадать, откуда они взялись у чекистов – либо наша разведка постаралась, либо это было творение какого-нибудь «врага народа», сгинувшего в лагерях. Хотя, если говорить по совести, чертежи те можно было назвать полным фуфлом. Так... только общее направление и концепции. Нет, детали автомата и их взаимодействие я знал и нарисовал, но откуда мне было знать марки металла, величину допусков и целую кучу других, чисто технических моментов, без которых оружие просто не появится на свет? Поэтому АК-43 – это процентов на восемьдесят творение именно Калашникова и тех людей, что ему помогали!

Потом беседа опять скользнула на Германа и его автомат, потом вспомнили общих знакомых и так, под разговор, незаметно доехали до Москвы. Я затащил Никиту домой, но под чай долго не посидишь, поэтому часа через полтора он откланялся, а мы с Маратом в ожидании припозднившегося Сереги засели за составление отчета.

А на следующий день нас ждал Кремль. Для меня здесь все было более-менее привычно, да и Серега тут бывал довольно часто, зато остальные ребята... Правда, постороннему человеку их волнение не особо бросалось в глаза. Единственное, чему он, возможно, удивился бы, это, почему шестеро военных ходят везде такой плотной группой? А все потому, что наши щеглы,

да и Шарафутдинов, старались держаться как можно ближе к «кремлевским ветеранам». Наверное, потеряться боялись. Но до процедуры награждения никто не потерялся и не заблудился, и поэтому наградной дождь, пролившийся на спецгруппу Ставки, мы встретили в полном составе. А дождь был по-настоящему крут! Уж не знаю, в чем причина, но за захват Вельдберга и операцию под Ровно, по совокупности заслуг, мне дали вторую Звезду Героя, Гусеву наконец-то обломилась первая, а остальным ребятам досталось по ордену Ленина! Плюс к этому было оглашено, что все участвующие в операции, принесшей стране несколько тонн золота, награждаются ценными подарками. Правда, сразу не сказали, какими именно...

* * *

Вспомнив свои тогдашние предположения, я только ухмыльнулся. Почему-то думалось, что выдадут именные часы или не менее именное оружие. А может, даже немецкий приемник «Телефункен» на ножках, с гравированной серебряной табличкой. Зато теперь, держась за баранку «ценного подарка», я не переставал удивляться серьезному подходу руководства. Вот уж где, действительно, решили не мелочиться, а выделить сразу пять машин из выпущенной экспериментальной серии. На них даже название «Победа» хромированными буквами не написано, стоит только значок с надписью «ГАЗ М-20» на капоте. Ну да ничего, на других точно будет эта надпись – «ПОБЕДА»! По словам Колычева, Сталин решил не париться и использовать название, которое и в будущем вошло в историю. От наименования «Родина» он отказался по тем же причинам, что и в моем времени, просто поинтересовавшись у предлагающих: «Почем Родину продавать будете?» Те тут же спеклись и моментально выдали нагора более приемлемое для машины имя. Тем более само слово «победа» в СССР день ото дня как-то исподволь становилось все более популярным. А уж после капитуляции Германии ожидается бум. «Победой» будут называть все: часы, машины, рестораны, новые модели платьев и костюмов...

М-да... а ведь мои первые часы, подаренные отцом, тоже назывались именно так. Старенькие, с поцарапанным стеклом, они обладали удивительно точным ходом и до сих пор были бы живы, если бы я их не утопил на свое семнадцатилетие... Вспомнив о часах, я глянул на время и, чертыхнувшись, стал притормаживать. Сидящий рядом Марат удивленно посмотрел на меня, поэтому пришлось пояснить свои действия:

- Меня к четырем Иван Петрович ждет, так что пора возвращаться. Сядешь за руль?
- Я уже рулил, а Жан еще нет. Так что, Искалиев, садись за баранку и покажи класс!

Даурен, радостно кивнув, выскочил из остановившейся машины и быстро поменялся со мной местами. Потом мы объяснили ситуацию подъехавшим Змею и Геку и, перекурив, покатали обратно.

* * *

А ровно в шестнадцать ноль-ноль, поздоровавшись с переведенным из УСИ в наркомат, бессменным секретарем-порученцем Колычева – Васькой Кружилиным, я, постучав в дверь, вошел в кабинет наркома НКВД.

- Разрешите?
- Да, заходи, Илья. Ну как покатались?
- Нормально. Машины – отличные. Немного подшаманить, и станут вообще супер.

Иван Петрович весело посмотрел на меня:

- Даже в сравнении с автомобилями твоего времени?

– К-хм! – От такого предположения я даже поперхнулся и ответил: – Нет, тут сравнения быть не может. Более корректно было бы сравнить с теперешними «опель-капитаном»

или «мерседесом». Но, кстати, по комфорту «М-20», мне кажется, значительно их превосходит. Проходимость я даже не рассматриваю. Немцы здесь и рядом не стояли. Хотя, конечно, для езды по буеракам я бы предпочел что-то вроде ГАЗ-67. Вместо тента сделал бы жесткий съемный верх, впереди – хромированный отбойник, по бортам – аэрографию, и рассекал бы туда-сюда, вызывая всеобщее восхищение... М-да, если брать в расчет наши дороги, точнее их отсутствие, то такая машина была бы наиболее предпочтительна!

Тут уже Колычев хмыкнул:

– Ну и вкусы у тебя... Только я не понял, что такое «отбойник», да еще и хромированный? Зачем? И от кого ты им отбиваться собрался?

– Для понту. Ну и функциональную нагрузку он тоже несет. Вон, лоси ведь на дороги так и лезут и, чтобы, при столкновении с этой лесной коровой, отделаться наименьшим ущербом, можно поставить гнутую трубу, защищающую перед машины. В моем времени он называется «кенгурятник», но теперь может стать «лосятником». А то и вообще – «медвежатником».

Нарком удивился:

– Медведи тоже под колеса каждый день бросаются?

Я улыбнулся:

– Нет, конечно. Просто вспомнил, что иностранцы считают, будто у нас медведи по улицам городов ходят. Белые. Вот, чтобы буржуев не разочаровывать и внушить почтение к нашим суровым климатическим условиям, назвать эту трубу – «медвежатник»! Пусть необразованные «забугорники» трепещут!

Тут, все еще находясь под впечатлением от поездки на личном автомобиле, я дал волю фантазии.

– А вообще, Иван Петрович, собственные колеса – это же замечательная вещь! И понятно – машины будут стоять очень дорого, но вот почему бы не наладить выпуск мотороллеров? Помните, я про эти мини-мотоциклы и их бешеную популярность еще в том году рассказывал? Даже общий вид рисовал и приблизительные схемы компоновки. Простенькая ведь вещь, но наша молодежь будет визжать от восторга! А с какой скоростью будет проходить процесс ухаживания?! Представьте: парень сажает девушку в седло и везет любоваться красотами загородной природы. А эти красоты, по личному опыту знаю, очень сильно снижают неприступность барышни и в конечном итоге способствуют ускорению развития отношений, со всеми вытекающими последствиями. Таким образом решается и государственная демографическая проблема.

Колычев, как раз в этот момент прикуривающий, от столь неожиданного поворота в разговоре даже спичку сломал. Достав из коробка новую, он с подозрением поинтересовался:

– Так это ты Тверитину идею подкинул? С дешевыми мотоциклами и этими, как их – мотороллерами? М-м-м... стоп, отставить. Он ее озвучивал еще до личной встречи с тобой, после ознакомления с документами... И хоть я выступал против увеличения выпуска неподконтрольных средств передвижения и говорил о возможности ухудшения в связи с этим общей криминогенной обстановки, Станислав Игоревич меня сумел переубедить. И, помнится, даже лозунг придумал для этой еще не существующей модели: «Мотор, два колеса и два сердца».

– Вот! – Я поднял палец. – Это доказывает, что Стас действительно очень толковый человек! А что? Необходимое оборудование у нас уже есть: в тех же мастерских, которые после войны все равно перепрофилировать будут. Вот пусть, на каком-нибудь заводе и начнут шлепать новые средства передвижения. Не все же танки множить... Скажу больше – ради такого дела я готов свои песенные гонорары отдать. В смысле учредить премию, к примеру, тем же студентам машфаков, которых можно привлечь к доводке до ума моих схем мотороллера. Кстати, есть большой шанс, что они еще лучшее изобретение смогут предложить. Помимо мотороллера, еще какой-нибудь чоппер, квадроцикл или снегоход. Вон, как с художниками в свое время получилось...

Увидев выражение лица собеседника, я заткнулся, а Колычев, весело глядя на меня, несколько раз беззвучно хлопнул в ладоши:

– Я поражен. И это говорит великий скупердяй Лисов, у которого кредо – «ни копейки государству»? Хотя, скажу честно, очень рад. И товарищ Сталин, думаю, тоже порадует. Он ведь у меня периодически твоими планами и настроениями интересуется... И если насчет премии ты серьезно, то это отдельная тема для разговора. Ее ведь можно сделать не только для студентов-машиностроителей. У нас есть и ВГИК, и Сельхозакадемия, и Строгановка...

Ой, блин! Сказать по правде – слова наркома меня напугали. Я, конечно, альтруист в некотором роде, но ведь не настолько! Этак на меня скоро выйдет еще и шустрый Тверитин – предложит в целях пропаганды советского образа жизни премировать и изобретения прогрессивной мировой молодежи! Конечно, подобные, пусть небольшие гранты сильно повысят имидж СССР и будут способствовать его открытости и понятности, но у меня денег столько нет... Только давать задний ход было уже поздно, поэтому, чтобы не прослыть трепачом, ответил:

– Насчет премии – вполне серьезно. Но я своему кредо не изменял: деньги-то не государству пойдут, а студентам. Пусть с ученической скамьи понимают: умеешь работать головой и руками, сможешь проявить полезную инициативу, значит, не будешь считать копейки от стипендии до стипендии, а в дальнейшем – от зарплаты до зарплаты. Наоборот – купив на премию тот же мопед, посадишь сзади самую красивую девчонку и поедешь гордо по городу кататься. Ну или за город, тут уж как повезет... Единственно, – я вздохнул, – сильно сомневаюсь, что на само производство у государства средства найдутся. В народном хозяйстве других проблем выше крыши, куда уж там мопеды финансировать.

И тут Иван Петрович меня удивил. Выпустив вверх струю дыма, он довольно прищурился и ответил:

– Ну, может быть, и найдутся. Немного, конечно, но немного – это только в масштабах нашей страны. И ты в этом деле не последнюю роль сыграл.

Я вытаращил глаза:

– Что, обнаружили новое легкодоступное золоторудное месторождение с ураганным содержанием металла?

– Ага. В швейцарских банках. Содержание металла там действительно – ураганное! И с доступом тоже проблем нет.

От подобного я вообще завис. Что-то ничего непонятно... Складывается такое впечатление, что советских «невидимок» срочно собираются переквалифицировать в грабителей и с их помощью черпать природные ресурсы непосредственно из банковских швейцарских недр. Ну чисто, чтобы пропустить лишние промежуточные варианты, связанные с налаживанием инфраструктуры, добычей, переплавкой и тому подобным. Когда я озвучил свои мысли, нарком рассмеялся, а потом, став серьезным, сказал:

– Нет, конечно. Все будет в рамках закона. Но учти, говоря о деньгах, я исходил только из того, что тебе рано или поздно об этом станет известно и ты опять ко мне прибежишь скандалить. Хотя данная информация по большому счету не входит в круг твоей компетенции и является государственной тайной...

После этих слов я лихорадочно начал соображать, как Лисова вообще можно связать с швейцарским золотом. У меня там накоплений нет. Есть у семьи Нахтигаль, но делать из Лисова альфонса никто не будет. А что еще? Почему именно я, по словам наркома, сыграл не последнюю роль в доступе к золоту, находящемуся в банках? Швейцарских банках...

Стоп – Вельдберг! Он должен был заниматься эвакуацией крупных партийных чинов. Но чины без денег – это фуфло, а не чины! Значит, вполне возможно, у него был выход

и на тех людей, которые скрывали следы золота НСДАП⁴. А может быть, и не было, но дав конец ниточки, он тем самым способствовал выходу нашей разведки на «кассиров» и соответственно на номера счетов! Обалдеть! Похоже, что это наиболее вероятное предположение. И пусть у Германии в конце войны валюты осталось очень мало, но уж золотишка на пару-тройку сотен «зеленых» лимонов в Швейцарии на черный день точно хранится! Задохнувшись от волнения, я предположил:

– Через Вельдберга вышли на золото партии? На все золото?

Нарком, хмыкнув, передразнил:

– «ВСЕ золото»... Ты этого оберста меньше месяца назад предоставил, поэтому какое-то время мы упустили. М-да... зато сейчас на это ТАКИЕ силы брошены... И результаты, несмотря на упущенное время, ОЧЕНЬ хорошие. Если так дальше пойдет, то завод по производству мотороллеров, о котором ты так ратуешь, точно будет построен! В числе десятков и сотен прочих, необходимых стране производств.

Озвезденеть... Просто нет слов. Выяснять какие-либо подробности я не стал – бессмысленно. Колычев и так сказал очень много, поэтому не буду его лишний раз провоцировать на прочтение лекции по теме: «Государственная тайна, минимально необходимая информация и злостный нарушитель – Лисов». Но вот золото НСДАП... Да, это круто. Пусть, разумеется, добудем не все, но даже какая-то его часть станет для нас огромным подспорьем! Ведь в МОЕЙ истории его так и не нашли, зато теперь эти запасы вкупе с остальными репарациями позволят стране гораздо быстрее подняться на ноги. А чем быстрее СССР оправится от последствий войны, тем быстрее сможет на равных говорить с той же Америкой. Мы и сейчас это можем, но при наличии восстановленного хозяйства разговор получится более продуктивным. И тот же Трумэн десять раз подумает, прежде чем начнет свои гнилые базары разводить...

Хотя какой на фиг Трумэн? Его сейчас, как липку, трясут америкосовские правоохранительные органы! А Рузвельт вроде пока настроен достаточно дружелюбно. Но это – «пока». Да и больной он... В МОЕЙ истории президент США благополучно помер весной сорок пятого. А кто на его место встанет – бог весть... Сейчас в том, что на выборах, которые будут проходить через два месяца, победит Рузвельт, никто не сомневается. Главная же интрига для Сталина, Колычева и иных посвященных людей состоит в том, кто станет вице-президентом и соответственно, после смерти старины Франклина возглавит Штаты. Пусть Трумэн под следствием, но команда-то пока на месте... О, кстати, насчет того, кто возглавит.

– Товарищ генерал-полковник, разрешите обратиться?

Колычев, удивившись внезапному официозу, сделал брови домиком, но потом, поняв меня несколько не так, насупившись, отрезал:

– Лисов, опять за свое? Детали проходящей операции тебя никаким боком не касаются! Что за человек, ему дашь палец, он всю руку откусить норовит? Ты вообще соображаешь...

Перебив закипающего командира, я обиженно сказал:

– Иван Петрович, вы что? Я же все понимаю, поэтому хотел спросить совершенно о другом.

– Да? К-хм... – Было видно, что нарком смутился. – Ну так спрашивай, а то начинаешь издали и меня лишний раз нервировать!

– Извините... А спросить я хотел насчет нашего последнего дела с поляками и покушения на товарища Сталина. Точнее, не столько спросить, сколько получить подтверждение своим предположениям.

– Я слушаю...

⁴ NSDAP – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (те самые нацисты, которых многие ошибочно называют фашистами).

Собравшись с мыслями, я облизал губы и озвучил то, о чем задумывался как в процессе, так и после операции, связанной с нейтрализацией польских диверсантов. Просто уж очень ее размах и количество задействованных сил не соответствовали озвученным результатам. Даже совместная советско-американская нота не катила как достойный итог. Да и Колычев со Сталиным были ЧЕРЕСЧУР довольны. Ну не могли они так радоваться простым высказываниям претензий англичанам. Значит, у этого дела существовало второе дно, о котором был осведомлен только очень узкий круг посвященных. Вот я себе всю голову и сломал, пытаюсь понять, чего наше командование **ВООБЩЕ** хотело добиться. Сначала ничего толкового на ум не приходило. Не приходило, потому что мыслил тактическими задачами. А вот как только начал соображать в сторону стратегических замыслов, то картинка сложилась практически сразу. Верная или нет, я сейчас и попробую выяснить. Поэтому вздохнув, выдал:

– Иван Петрович, мне кажется, что цель операции была вовсе не в отлове АКовцев и возможности резкой ноты для Англии. Считаю, что основной задачей была дискредитация «ястребов» из команды Трумэна, которые очень удачно для нас всячески поддерживают Польшу. Американцам на товарища Сталина в общем-то плевать, только покушение на убийство своих летчиков они без последствий оставить не смогут. А так как покушались именно поляки, то теперь Рузвельт имеет что сказать людям из демократической партии и, отказавшись от их кандидатуры, назначить вице-президентом своего человека. Ну не знаю, того же Гарримана, к примеру, который после смерти президента возглавит страну. Именно поэтому в данной операции и была задействована спецгруппа Ставки во главе с крайне удачливым Лисовым. Просто на кону стояло **ОЧЕНЬ** много. Ни много ни мало, а дальнейшее построение взаимоотношений с США. Ну и как следствие – построение всей мировой политики. Я прав?

Нарком, пока я говорил, молча тарабанил пальцами по столу. А услышав последний вопрос, очень серьезно ответил:

– Товарищ Лисов, я вам **ПРИКАЗЫВАЮ** подобные аналитические выкладки держать при себе. Более того, я **ПРИКАЗЫВАЮ** забыть то, о чем вы мне сейчас говорили, и придерживаться **ТОЛЬКО** официальной версии событий.

Серьезность и тон, которым все это было сказано, меня несколько напрягли, поэтому, вскочив, я ответил:

– Так точно, товарищ генерал-полковник. Уже забыл!

А про себя подумал – оп-па! Вот оно! Все-таки приятно чувствовать себя умным и понимать, что видишь дальше официальных сообщений. И ведь, если исходить из того, как переполошился нарком, я разложил все достаточно верно. А Колычев, потеряв лицо руками и взмахом усадив меня обратно на стул, тихо вздохнул.

– Проблем от тебя, Илья, иногда больше, чем пользы. Теперь я даже не знаю, как тебя отпускать...

– Но пользы-то все равно много? И куда вы меня отпускать не хотите?

Иван Петрович подвинул к себе какую-то папку и, развязывая тесемки, ответил:

– Ладно... Решение принято и одобрено на самом верху. И еще я сильно надеюсь на твою разумность. Поэтому ничего отменять не будем. Но прими дружеский совет: нигде, никогда, никому не озвучивай вот эти свои мысли. Считай, что твоя догадка является лишь частью большого плана, и малейшая утечка информации может все погубить.

Опаньки! Значит – точно! И работа, судя по всему, начата огромная. Ну еще бы – некая попытка изменения политики одного из самых сильных государств мира это вам не цацки-печки! Причем не текущей политики, а будущей, о которой в Штатах сами пока имеют весьма смутное представление. Эх, интересно-то как! Но интересоваться – себе дороже, поэтому, придав физиономии наиболее ответственное выражение, я сказал:

– Понял. И, насколько вы знаете, я языком в серьезных ситуациях не молочу, так что можете быть спокойны. Ведь за эти три года даже намек на прокол с моей стороны не было.

– Не было, потому что я за тобой постоянно слежу и накручиваю тебя, хоть ты и обижаешься. Ладно, хватит о грустном. Вот!

С этими словами Иван Петрович извлек из папки запечатанный сургучом пакет и, взломав печати, вытянул из него конверт. А на конверте... В общем, увидев знакомый круглый почерк, я чуть не вырвал письмо из рук наркома. А он, улыбаясь, передал мне послание Хелен и сказал:

– Ну что ты так задергался? Не спеши – время почитать еще будет.

Ага, ему легко говорить – «не спеши», а я этого письма больше полугода ждал. Гусева, начиная с зимы, просто задолбал, сначала намеками, а потом и прямыми требованиями, чтобы он через Колычева посодействовал переписке. Серега согласился помочь, но потом, переговорив с наркомом, объяснил, что вот как раз в Швейцарии наше консульство, через которое я получил первое послание, находится, словно на острове. И даже диппочта может месяцами идти, совершая такие кругалю, что диву даешься. Ведь со всех сторон как ни крути гитлеровские войска, так что ни о какой регулярной переписке и речи быть не может. Если только вдруг оказия подвернется...

Вот, видимо, эта оказия и подвернулась. А Колычев – садист! Неужели он не понимает, что мне теперь каждая секунда дорога? Нет чтобы отпустить человека прочитать письмо – сидит и лыбится. Терпение, наверное, мое испытывает. У у-у, редиска нехорошая! Но нарком, видя, что Лисов, завладев конвертом, смотрит на него молящими глазами, встал, поправил мундир, обошел стол и, остановившись рядом с подскочившим подчиненным, выдал:

– На вчерашнем совещании принято окончательное решение предоставить Лисову Илье Ивановичу недельный отпуск (не считая дороги) и командировать его на все время отпуска в город Берн. – Колычев, подмигнув, добавил: – Вопросы?

Несколько секунд я стоял столбом, переваривая сказанное, а потом бросился обнимать Ивана Петровича. Тот вначале только кряхтел, но потом взмолился:

– Хватит, хватит! Ты мне все ребра сейчас переломаешь!

Поэтому пришлось поставить наркома на место и начать задавать вопросы. Меня интересовало все: и чья это была инициатива (хотя и так понятно, что это Иван Петрович постарался), и с какими документами я туда поеду. И вообще: как мне попасть в эту самую Швейцарию, если прямого пути нет? Честно говоря, несмотря на охрененное желание увидеть свою зеленоглазую зазнобу, два месяца добираться до страны сыров совсем не хотелось. Да блин, быстрее будет из Австрии в одиночку проскочить через немецкие разрозненные части, которые до сих пор ведут оборонительные бои, окопавшись в горной части страны. Тем более что сейчас лето и форсировать Альпы на лыжах, подобно пастору Шлагу, не придется.

Но оказалось все гораздо проще. Бродить по тылам меня, разумеется, никто бы не отпустил, а вот самолетом – в самый раз. Оказывается, уже недели три как налажено нормальное сообщение с нашим консульством в Берне. Авиации у немцев практически не осталось, поэтому «Ли-2» в сопровождении двух пар истребителей будет совершать регулярные (раз в неделю) рейсы. Истребительный конвой доводит «пассажира» до швейцарской границы и возвращается на свой аэродром в Линце, находящийся в Австрии. А «Ли-2» продолжает движение над территорией Швейцарии, защищенный законом о нейтралитете. Обратный рейс совершается тем же порядком, и от границы пассажирский самолет снова сопровождают наши истребители.

Что касается документов, то мне будет выдан диппаспорт на мое же имя, и буду я, как это ни смешно, считаться помощником атташе по культуре. Причем этот паспорт будет вовсе не «липой», так как соответствующее уведомление было направлено правительству Швейцарии. Наше консульство там будет трансформироваться в посольство, и поэтому моя «веселая» должность никого не удивит.

А потом Колычев меня удивил, сказав, что идея отправить Лисова к невесте исходила непосредственно от Иосифа Виссарионовича. И, дескать, он же рекомендует привезти по окончании войны молодую жену в Москву. Показать город, познакомить со своими друзьями. Да и товарищ Сталин хочет лично посмотреть на девушку, которая вскружила голову его порученцу. Он бы хотел ее лицезреть прямо сейчас, но, принимая во внимание некоторые обстоятельства, переносит смотрины на полтора-два месяца. Тут уж я удивился и поинтересовался – а зачем это Верховному понадобилось смотреть на Хелен? Он ведь просто так ничего не делает, значит, причина тут вовсе не в любопытстве. Колычев посмотрел на меня, как на неразумного, и ответил:

– А сам не понимаешь? Семья Нахтигаль вхожа в высший свет как Германии, так и Швейцарии. И ты, являясь ее членом, станешь первым советским человеком, который будет представлять СССР именно с этой стороны. И нечего делать круглые глаза. Или ты думал, что по окончании войны тебя демобилизуют? Даже не надейся! У нас сейчас на горизонте столько дел, что только успевай поворачиваться. Одних патентов надо будет сотни и тысячи регистрировать. И чтобы их не крали, организовать независимое патентное бюро, к примеру в Цюрихе или в Берне. И, вполне возможно, что помимо службы в госбезопасности ты и этим будешь заниматься. Это ведь какое прикрытие! А хватка у тебя есть. И есть возможность применить навыки из своей прошлой жизни... Вот товарищ Сталин и хочет посмотреть насколько Хелен Нахтигаль сможет соответствовать высокому званию жены товарища Лисова. – Тут, увидев мои глаза, нарком замахал руками: – Да шучу я, не видишь, что ли? В смысле – про соответствие высокому званию шучу. Иосиф Виссарионович, действительно, просто хочет увидеть твою Хелен. Да и Лисова-младшего тоже. Поэтому и дал приказ, чтобы в твоей квартире...

Не понял. Это он про кого сейчас сказал? Какого еще – «младшего»? Видимо, выражение на моей физиономии столь сильно поменялось, что Иван Петрович замолк на полуслове и, ругнувшись, сказал:

– Вот черт! Проговорился все-таки! Ну ладно, если уж так получилось, то я буду первый...

После чего уже командир сгреб меня в охапку и выдал:

– Это вообще-то должен был быть сюрприз, о котором ты узнал бы только после прочтения письма, но – поздравляю тебя, папаша!

Пх-х-х... что-то я торможу. С чем именно меня сейчас поздравляют? И почему командир такой довольный? И кто, собственно говоря, «папаша»? Видя мое недоумение, Колычев терпеливо разжевал:

– Ну ты и тупой! Сын у тебя родился! Ты уже почти две недели как папа! Я-то думал с тобой нормально переговорить и только потом дать тебе письмо Хелен прочесть, а после уже поздравить. А тут, видишь, как получилось? Теперь ни о каком серьезном разговоре и речи быть не может – ты невменяем. Так что сейчас иди, читай свое любовное послание, собирай ребят и через два часа чтобы были в комиссариате. Поедем отмечать твое отцовство! Надолго у меня к вам присоединиться не получится, но час я тебе гарантирую!

Пока командир мне все это говорил, я растерянно пытался сообразить – как же так получилось? Нет, у меня, конечно, были надежды и подозрения, но по-любому выходило, что если я и стал бы папашей, то это должно было произойти не раньше сентября. Я еще раз, загибая пальцы, тщательно начал пересчитывать, только Иван Петрович, видя эти манипуляции, сломал всю арифметику словами:

– Что ты там все высчитываешь? Семимесячный мальчишка родился! Видно, Хелен сильно нервничала во время беременности, вот так и вышло... Но ты не волнуйся – сын у тебя здоровый. Он за эти две недели необходимый вес уже набрал и теперь ничем не отличается от нормально выношенных. Ну так, шутка ли сказать – вокруг него толпы маститых врачей-родственников постоянно находились. И через четыре дня Нахтигаль с ребенком будут

выписывать из роддома. Как раз за день до прилета «Ли-2». Так что – сегодня гуляем, а с завтрашнего дня ты должен быть как огурчик и пройти все необходимые инструктажи.

Сдерживая плещущую у горла волну радости, я растроганно сказал:

– Спасибо, Иван Петрович! И за поздравления, и за вести добрые! – После чего, немного смущаясь, решил заранее оповестить, чтобы потом лишних проблем не было: – Товарищ командир, только сразу хочу сказать, что сына я крестить собираюсь... – И, видя, как замялся собеседник, торопливо добавил: – Вы знаете мое отношение к религии. Да и к попам тоже. Не фанат я всех этих штучек. Но Аленка была бы рада, а лично я считаю крещение не столько церковным обрядом, сколько дополнительной страховкой для ребенка. Родственники родственниками, но ведь именно крестные считаются, как бы это сказать, запасными родителями. И в эти крестные обычно зовут самых близких и самых надежных друзей...

Колычев на эти слова только кивнул:

– М-да... хорошо хоть объяснил, а то у меня уже было мысль мелькнула, что ты не просто верующим стал, но еще и религиозным...

– Я – религиозным?! Это чтобы поклоны бить, попикам ручки слюнявить и им же бабки отстегивать, как будто они их в райский банк переводить будут? Нет уж! Мною движут только две причины: сделать приятное будущей жене и подстраховаться на случай собственной смерти. Чтобы, если меня ухлопают, воспитанием сына, помимо Хелен, занимался бы и тот человек, которому я полностью доверяю. Кстати, именно поэтому я эту тему и поднял, а не стал крестить ребенка втихаря... В общем, Иван Петрович, как вы смотрите на то, чтобы стать крестным? Просто ближе вас, Сереги и Лешки у меня никого нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.